

Ю.Семенов.

Процесс-38

Пьеса

(по изданию Ю.Семенов. Ненаписанные романы. Процесс-38. М.: "ДЭМ". 1990.)

Октябрьский зал Дома союзов.

Небольшое помещение заполнено зрителями, получившими билеты на процесс по делу гестаповских шпионов и диверсантов: Бухарина, Рыкова, Крестинского и их подельцев.

Секретарь Судебного присутствия военный юрист первого ранга

А л е к с а н д р Б а т н е р: Встать, суд идет!

Все - зал и обвиняемые - поднимаются. Входят судьи, занимают свои места.

Б а т н е р. Прошу садиться.

Однако неожиданно председательствующий поднимается со своего массивного кресла и выходит на авансцену.

У л ь р и х. Я, Василий Ульрих, председатель Военной коллегии Верховного суда, пришел в Москву на подавление левозсеровского путча вместе с моими товарищами, латышскими стрелками. Я работал тогда под руководством члена Политбюро Каменева.

Восемнадцать лет спустя в этом же зале, в августе тридцать шестого, я приговорил моего учителя и старшего товарища Льва Каменева к расстрелу. Через год, в тридцать седьмом, я осудил на смерть здесь же, в Октябрьском зале, секретаря ЦК большевистской партии Серебрякова, который в девятнадцатом спас Москву от войск Деникина; я находился в его штабе; вместе с Серебряковым работал Сталин; Иосиф Виссарионович возненавидел его за то, что американский журналист Джон Рид, приехавший тогда к нам, на Сталина не обратил внимания, писал о Серебрякове, восхищался им открыто, по-детски как-то... Серебряков был одним из тех, кто в двадцать четвертом году заявил: "Партия перерождается, царствуют верхи, установлен бюрократический режим, отъединяющий ЦК от народа". Сейчас мне предстоит послать под пулю любимца партии Бухарина. Нет человека интеллигентней, добрее и чище, чем Николай Иванович. Он, и никто другой, должен был стать лидером страны. Но он предал всех нас, проиграв схватку чудовищу по фамилии Сталин. Поэтому я приговорю его к расстрелу. Политик не имеет права на проигрыш.

Не согласны? Согласны. Теперь у нас все согласны. Я и впредь буду судить и отправлять в подвал, на расстрел лучших большевиков- ленинцев. Или - я, или - меня... Цицерон был прав: "Труд создает мозолистую преграду против боли".

Ульрих возвращается на свое место, раскрывает папку с делом, водружает на нос очки, читает что-то, оглядывая при этом подсудимых. Поднимается корпусной военный юрист Матулевич.

М а т у л е в и ч. Я, заместитель товарища Ульриха, член Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) Илья Матулевич. Вместе с товарищами Ульрихом, Иевлевым и Вышинским мы провели первые процессы, расстреляв двух

членов Политбюро, семь членов ЦК, восемь кандидатов в члены ЦК и пять членов ЦКК партии. Почему партия и лично Иосиф Виссарионович доверили мне эту многотрудную работу? Потому, что я, Матулевич, в двадцать четвертом году примкнул к троцкистской группе героев гражданской войны Антонова-Овсеенко, Смирнова и Серебрякова... Я устно поддержал их декларацию: "Если события будут развиваться так и в дальнейшем, то мы из партии рабочего класса превратимся в партию молчаливых бюрократов, заевшихся сановников, узурпаторов революции". Помощник товарища Сталина, его боевой друг Лев Захарович Мехлис вызвал меня к себе в ЦК на Воздвиженку: "Смотри, Матулевич, - сказал он, - твое право поддерживать оппозицию, но тогда будь честен перед самим собой, откажись от своего ромба, автомобиля марки "Линкольн", кремлевского пайка и отправляйся на завод к станку.

Одновременно на двух стульях сидеть невозможно..." И я отрекся... Да, тяжело болел отец, да, лекарствами снабжали только в спецклинике, но оправдание ли это?

Я стал преступником... Я сужу честнейших ленинцев... Я пытаюсь успокаивать себя словами товарища Троцкого: "Партия всегда права".

Партии,

а значит, советскому народу угодны эти процессы. Если нет - нас бы смели. А нам аплодируют, славят, как героев борьбы за чистоту идеи. Вам, присутствующим на этом процессе, угодно происходящее! И мы будем продолжать наше чудовищное дело у вас на глазах. Вы станете реветь, требуя

крови бывших кумиров. Кто посмеет промолчать - будет арестован здесь же, в этом зале. Вы знаете это так же, как и я. Да, мы судилище преступников. А вы приготовились к тому, чтобы должным образом реагировать в нужных местах? Смотрите мне, засранцы!

Матулевич возвращается на свое место. Поднимается второй член суда, дивизионный военный юрист Борис Иевлев, выходит на авансцену.

И е в л е в. Я -: второй заместитель продажного мерзавца Ульриха... Зовут меня Борис Иевлев... Мне до сердечных колик жаль товарища Бухарина... При нем и Рыкове моя родня счастливо жила на Орловщине... Какая кипень была в садах весной! Как соловьи разливались! А сейчас там - кладбище, мор, страх господень... Но - с другой стороны - кто мне дал в Москве двухкомнатную квартиру? Партмаксимум? Персональную машину? Дачу в Малаховке? Секретарей?

Шоферов и помощников? Кто вытащил меня из деревенской грязебы в московскую чистоту и уют? В своей "Науке поэтики" Гораций говорит, что характерной чертой стариков является неумеренное расхваливание прошлого...

Верно. Я постоянно ощущаю свою старость, хотя мне нет и сорока, я боюсь будущего, я мечтаю, чтобы все было как было или как есть. Во имя этого я вынесу обвинительный вердикт кому угодно. Жизнь - это борьба с окружающими за выживание. Идеи, лозунги, призывы - мура собачья. Надо честно служить тому, кто платит. И запретить человечеству проклятое право на вопрос. Нет ничего страшнее вопроса! Бойтесь вопросов, товарищи! Под знаменем партии Ленина - Сталина - вперед, к победе коммунизма!

Чего аплодируете, олухи?! Seriously верите в эту сказочку для бедных? Эх, вы...

Служить надо! Как фельдфебели! Учитесь служить! Знаете, как плакал Ульрих накануне этого процесса?! Не знаете. А я знаю. Он же не каменный, его Бухарин в двадцать пятом спас от исключения из партии... Так вот, Сталин узнал - наверное, радиотехнику провел во все наши квартиры - про эти слезы сатрапа, пригласил его к себе, обласкал и посоветовал:

"Боритесь

за Бухарина, товарищ Ульрих...

Помогите выявить правду... Мы очень на вас надеемся... Вы же знаете одержимость Вышинского, знаете, сколь фанатичен Ежов. Помогите правде,

товарищ Ульрих..."

Почему я так открыто говорю с вами? Да потому, что ненавижу Идею! Я ею брезгую!

И поэтому я ей нужен! Ее вывернули наизнанку, ей теперь потребны служаки – без ума и сердца. И я хочу взять бога за бороду. И – возьму!
Вот

тогда и разберемся с растреклятым Октябрем семнадцатого, большевистско-жидовским заговором немецких масонов! Всех одену в ватники! Все у меня шеренгой ходить будете! Сталин вот здесь (показал на скамью подсудимых) признается, что получал деньги от Гитлера, Чемберлена и Даладье! Скажет, что был шпионом и диверсантом! И вы, все вы, тоже признаетесь в чем угодно. Не верите? Пари!

И, засмеявшись, чуть пританцовывая, Иевлев идет на место.

У л ь р и х. Подсудимые, вами получены обвинительные заключения? Бухарин, Рыков, Крестинский, Раковский, Ягода, Гринько отказались от защитников... Может быть, вы изменили свое решение? (Оглядывает скамью подсудимых.) Нет? Хочу разъяснить, что каждый из вас имеет право на защитительные речи – вне зависимости от последнего слова... Суд разъясняет, что вы имеете право задавать друг другу вопросы по ходу разбирательства и давать свои разъяснения... Понятно? (Снова оглядывает подсудимых, кивает, захлопывает папку.)

На авансцену выходит прокурор.

П р о к у р о р. Я, Вышинский Андрей Януарьевич, начал борьбу с ленинизмом еще в девятьсот седьмом, когда сидел в одной камере бакинской тюрьмы со Сталиным. Мы тогда подружились – он помог спасти моего брата, анархиста, от петли, хотя я был меньшевиком, а он причислял себя к фракции

большинства. Он и тогда был особым человеком, истинным паханом, лишенным интеллигентских штучек Красина, Каменева, Таратуты и прочих ленинских вайнштейнов... Он спас меня и в двадцать третьем, во время партийной чистки: какая-то сволочь докопалась до моего приказа на арест немецкого шпиона Ленина... Я действительно отдал такой приказ, когда был одним из московских прокуроров, – в июле семнадцатого. Мы тогда смогли арестовать и

бросить в тюрьму Троцкого, Каменева и Луначарского... К сожалению, Бухарин

был неуловим... Однажды я приехал в Питер и встретил на Невском Сталина, это был август семнадцатого... К нему у нас, у Временного правительства, претензий не было, его не только не арестовали, за ним даже не следили, он

жил по своему паспорту... Мы выпили кофе "У Джюеса", он еще посмеялся: "Андрюша, хорошо, что помнишь старую дружбу, в случае чего – обращаюсь за помощью..." Кстати, ему это не требовалось – осторожен: за восстание не голосовал, в ночь переворота в Смольном не был, отсиживался в безопасном месте... Умница, в случае нашей победы ему бы виселица – как Ленину, Троцкому и Бухарину с Крестинским – не грозила бы... Я считал, считаю и буду считать, что ленинизм – худшее из зол, какое только может быть. Это обман нации, сладостная, расслабляющая иллюзия. Для России, для ее народа,

тысячелетиями оторванного от Европы, народа горизонтального, рабски-покорного, всяческая демократия, любая активность – без приказа Абсолюта – противопоказана, ибо ведет к слепому бунту. Гениальность Сталина заключается в том, что он взял этот народ в ежовые рукавицы, стал их богом и цезарем! Со временем он накормит их, даст им комнаты и оденет в

драповые пальто. Со временем. Сейчас, однако, мы должны быть военным лагерем, который сметет надменную Европу и заставит ее работать на нас. Из

прокурора темной России я сделаюсь прокурором Европы. Я понимаю, зачем Сталин спас меня тогда, в двадцать третьем, когда он только начинал свое восхождение на русский трон. Я был нужен ему для того, чтобы уничтожить

ленинизм как идейное течение революционной мысли! Я, именно я, Андрей Вышинский, доказал человечеству, что все члены ленинского Политбюро на самом деле были немецкими агентами. Все, кроме Сталина! Начиная процесс против Каменева и Зиновьева, я понимал, что на кон поставлена моя голова: если бы хоть один из них отказался признать себя виновным, Сталин был бы вынужден посадить на скамью подсудимых меня - "меньшевистский заговор против ленинской гвардии". Но Ягода сработал сценарий показаний чисто, поэтому сегодня я должен расстрелять моего друга Ягodu - свидетель должен быть убран... Ежов с ним поработал в камере - признается во всем... Пусть попробует не признаться: его тринадцатилетнего ублюдка станут пытаться у него на глазах... Да и потом - ленинисты идейны: "раз наша гибель угодна партии - возьмите наши жизни"... Впрочем, не столько ленинисты, сколько русские - примат массы, верность общему, полнейшее пренебрежение к Личности...

Мне уже немало лет... Я жил в стране, где нельзя оставить по себе память, - царствует вздорная идея коммуны, всеобщее равенство... Но я оставляю по себе память! Я войду в бессмертие - пусть Нероном, и то лучше, чем гамлетовский череп... "Проксимус сум эгомет михи!" - Я себе самый близкий!

Б а т н е р. Обвинительное заключение по делу Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Раковского, Розенгольца, Иванова, Чернова, Гринько, Зеленского, Бессонова, Икрамова, Ходжаева, Шаранговича, Зубарева, Буланова, Левина, Плетнева, Казакова, Максимова-Диковского и Крючкова, обвиняемых в том, что они по заданию разведок враждебных Советскому Союзу государств составили правотроцкистский блок, поставивший своей целью шпионаж, вредительство, диверсии, террор, свержение соцобщества и восстановление власти буржуазии... Это прежде всего относится к врагу народа Троцкому. Его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана...

В ы ш и н с к и й. Я протестую! Почему в тексте обвинительного заключения слово "гестапо" - это кошмарное учреждение гитлеровцев, где пытаются нас, ленинцев, - написано с большой буквы?!

У л ь р и х. Протест не принимается! ПРАВКА внесена лично товарищем Сталиным!

Иосиф Виссарионович написал "гестапо" с большой буквы. Прошу прокурора не мешать чтению обвинительного заключения! Это не дает подсудимым товарищам сосредоточиться!

В ы ш и н с к и й (выходит из-за стола). Я постоянно окружен провокацией...

Кожей, спиной, каждой своей клеточкой я ощущаю злобную ненависть всех тех, кто подобострастно кланяется мне в коридорах... Ягода выделил мне пять охранников, когда я готовил расстрел Каменева, Зиновьева, Пятакова, Серебрякова... Потом этих охранников расстрелял Ежов и выделил мне шесть новых костоломов, которые следят за каждым моим шагом, пишут доносы, просматривают записи, роются в портфеле... Когда я пришел к Ежову - туда вызвали Бухарина подписывать двести шестую статью - и спросил Николая Ивановича, признается ли он в своей шпионской деятельности, тот удивленно посмотрел на Ежова: "Коля, как вам не стыдно?!"

Уберите этого мерзавца! Мы написали сценарий показательного суда не затем, чтобы разыгрывать в кабинете Феликса Дзержинского дешевую комедию".

И Ежов вытолкнул меня из кабинета! Как шлюху, после того как ей попользовались сладострастные маньяки... Ах, Коля, Коля, поглядим, чья возьмет, ты ж большевик, Коля Ежов, ты ж идейный, ты водку пьешь с утра от

страха, а я веду борьбу со всеми вами и не имею права на проигрыш! Я хочу жить на Николиной горе, в уютной дачке Серебрякова, которую я взял себе, когда этого лениниста бросили в подвал и начали ломать ему кости... Я хочу

гулять вечерами по тихой дороге, слушать стон сосен, внимать страстному крику безумных вальдшнепов, читать Цицерона на веранде, наслаждаясь тишиной, одиночеством и сопричастностью с вечностью...

Б а т н е р. Связь Троцкого с гестапо была исчерпывающе доказана...

На авансцену выходит Адольф Гитлер.

Г и т л е р. Я протестую! Решением съезда национал-социалистской рабочей партии Германии категорически запрещено деловое общение – как бы оно ни казалось выгодным – с евреем, а тем более большевиком. Ордер на арест Троцкого был подписан гестапо на третий день после того, как рабочие

и крестьяне Германии завоевали власть в борьбе против еврейского капитала и интернационального большевизма. В случае если кто-либо из членов моей партии решится на контакт с Троцким, – этот мерзавец будет отдан под суд, объявлен врагом германской нации и казнен!

Б а т н е р. Имеющиеся в распоряжении следствия материалы свидетельствуют, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с тысяча девятьсот двадцать первого года... Обвиняемый Крестинский показал, что он зимой двадцать первого года вел с командующим германской армией переговоры о получении денежных средств для ведения троцкистской подпольной работы взамен предоставления троцкистами шпионских материалов немецкой разведке...

На авансцену выходит Троцкий.

Т р о ц к и й. Я, Лев Троцкий, был в двадцать первом году членом Политбюро большевистской партии, председателем Реввоенсовета республики и народным комиссаром по военным и морским делам. Именно тогда по заданию Владимира Ильича готовился мирный договор с Германией – в работу были включены нарком иностранных дел Чичерин, его заместитель Литвинов, народный комиссар внешней торговли Красин, посол нашей республики в Германии член ЦК Крестинский, секретарь ЦК Молотов, члены Политбюро Каменев, Рыков, Зиновьев, Сталин, я и Феликс Дзержинский. Сталин, являвшийся членом Реввоенсовета, визировал все документы, которые писали дипломаты, военные, чекисты. Задача заключалась в том, чтобы не дать генералу Секту и возглавлявшемуся им генштабу немецкой армии войти в блок с кем бы то ни было в Европе. Каменев и Сталин предложили договориться с Сектом о заключении секретного договора, чтобы раз и навсегда отсечь Берлин от возможных контактов – как с Лондоном, так и с Варшавой маршала Пилсудского. Я поддержал это предложение Сталина и Каменева. Послу Крестинскому ушла депеша: встретиться с Сектом и обсудить такого рода возможность. Крестинский блистательно выполнил возложенное на него поручение. До тридцать третьего года, до того часа, пока Гитлер, пользуясь

расколом между коммунистами и социал-демократами, не пришел к власти, Сект

и его армия сохраняли дружественный нейтралитет по отношению к Советскому Союзу. Более того, именно в те годы лучшие военачальники гражданской войны

окончили академию германского генерального штаба: партийные характеристики

им подписывал – от ЦК – именно Сталин. Начиная с первого процесса – против

моих давних идейных противников товарищей Каменева и Зиновьева – я требовал от Сталина и его клики разрешения на въезд в СССР, чтобы предстать перед судом и дать показания по выдвинутым против меня обвинениям. Сталинская клика отказала мне в праве на возвращение в Москву.

Почему? Потому, что обвинение в том, что я получал от Секта деньги на шпионскую работу, рассчитано на людей, лишенных права мыслить! Я, командовавший тогда Красной Армией и флотом, я, объявленный вместе с Владимиром Ильичем главной угрозой мировой цивилизации, я, имевший право отдать приказ войскам окружить Кремль и вышвырнуть оттуда никому не известного Сталина, я, член ленинского Политбюро, – шпион нашего союзника Секта! Значит – Ленин был доверчивым простачком, собравшим вокруг себя немецких шпионов? Вы не меня судите и не Бухарина с Рыковым, которые выслали меня из Советского Союза! Вы судите Революцию, Ленина, Историю!

Повторяю: разрешите мне вернуться в Москву и сесть на скамью подсудимых рядом с Бухариным. Я не боюсь смерти; моя семья – кроме жены и внука – уничтожена Сталиным. Я – один, палачи Сталина не смогут спекулировать на жизни моих близких, им не удастся заставить меня клеветать на себя – именно поэтому меня не пустят сюда! Нет ничего страшнее для тирана, чем одинокий человек, убежденный в своей правоте, потому-то ни одна московская

газета не сообщила о моей готовности вылететь сюда первым же рейсом и отдать себя в руки Ежова.

Б а т н е р. Обвиняемый Бессонов, по его собственному признанию принимавший участие в нелегальных переговорах троцкистов с фашистами, был в курсе встреч и переговоров Троцкого с заместителем фюрера Гессом и профессором Хаусхофером, с которыми Троцкий достиг соглашения...

На просцениум выходит Гесс.

Г е с с. Я, заместитель фюрера Гесс, категорически протестую против злонамеренной клеветы московских пропагандистов, старающихся посеять взаимное недоверие среди лучших сынов рабочего класса, крестьянства и национальной интеллигенции третьего рейха, объединенных чувством святой ненависти к евреям и большевистским масонам, злейшим врагам цивилизации! Цель и смысл нашего национального социализма заключается в том, чтобы доказать человечеству смертоносную опасность, которую таят в себе евреи и большевистские масоны.

Лишенные корней и почвы, они глумятся над традициями, навязывая человечеству идиотскую архитектуру Корбюзье, бред псевдоученого Альберта Эйнштейна, какофоническую музыку Брехта и Эйслера, кривлянье маломерка Чарли Чаплина, театральную ахиню Пискатора, клевету Ремарка, мерзость тлетворных строк Арагона, ужас бездуховного Шагала и Пикассо! Евреи и большевистские масоны хотят убить национальное искусство, заменив его абсурдом авангарда! И все это делается ими для того, чтобы закабалить человечество, превратив его в своих рабов! Евреи преуспели в Америке, сделав ее своей вотчиной! Большевистские масоны закабалили Россию, которая

не вылезет из болота до тех пор, пока нога немецкого пахаря не принесет в эти хляби арийский порядок! Смерть Троцкому – еврейскому большевистскому масону! Хайль!

Гесса сменяет профессор Хаусхофер, один из идеологов нацизма.

Х а у с х о ф е р. Я, профессор Хаусхофер, пестовал, как детей, величайших гениев человечества, лучших друзей мировой культуры Гитлера и Гесса. Я испытал величайшее облегчение, когда в Москве был предан анафеме циник от истории академик Покровский. Я не промерял его уши – национальность человека определяется по ушам, рейхсляйтер Альфред Розенберг сконструировал специальные циркули, чтобы выявлять еврейскую кровь даже в восьмом колене, – но я берусь утверждать, что в крови Покровского была гниль сокрытого еврейства. Он смел показывать ужас в истории своей нации – разве это ученый?! Я, как каждый ариец, отношусь с брезгливостью к русским, это нация недочеловеков, но – с абстрактной точки

зрения – я испытал умиротворенное облегчение, когда этот рьяный ленинист был растоптан и уничтожен! И я счастлив, что будет уничтожен ленинский теоретик Бухарин!

ИДУТ ХРОНИКАЛЬНЫЕ КАДРЫ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА.

КОШМАР РАЗДАВЛЕННОЙ ГЕРМАНИИ.

КРИКИ НЕМЦЕВ: "МЫ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО В ОСВЕНЦИМЕ СЖИГАЮТ ЕВРЕЕВ, ПОЛЯКОВ И РУССКИХ!"

МЫ ВЕРИЛИ МЕРЗАВЦУ ГИТЛЕРУ, НАМ НЕТ ПРОЩЕНИЯ, НО ПОЩАДИТЕ НАШИХ ДЕТЕЙ!"

ПОВЕШЕНИЕ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ.

На просцениуме вновь профессор Хаусхофер, только совсем седой, старый,

обросший, трясущийся.

Х а у с х о ф е р. В сорок четвертом году Гитлер приказал повесить моего единственного сына на рояльной струне, но мальчик предпочел сам убить себя.

Перед смертью он проклял меня за то, что я пустил в мир - научно оформив - зверство Гитлера и Гесса с Розенбергом... Я следил за ходом Нюрнбергского процесса. Воистину из ничего не будет ничего, зло порождает зло, слепая фанатичная ненависть наказуема. Когда немцы облегченно вздохнули после того, как повесили тех, кого они истово обожали всего полтора года назад, и снова выстроились в очереди за хлебом, проклиная тех недоумков, что заставили их поверить в собственное богоизбранное величие и низость всех - "мы продолжатели Рима и его империи" - иных наций, я облил себя и жену бензином, бросил на нас спичку, а уж после этого принял яд... До свидания, - Хаусхофер улыбнулся залу. - До свидания, - он повернулся к суду. - До встречи, партайгеноссе Вышинский!

Б а т н е р. Вот что показал обвиняемый Рыков: "Мы стали на путь террора против Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова. Я дал задание следить за машинами руководителей партии и правительства созданной мною террористической группе Артеменко".

На просцениум выходит Артеменко.

А р т е м е н к о. Я, член большевистской партии с девятьсот четвертого года Иван Артеменко, слесарь по металлу. Сидел в царских тюрьмах и на каторге, был приговорен к смертной казни, бежал из-под петли. На этом процессе вы меня не увидите, потому что меня до смерти забили во время допросов, требуя, чтобы я сыграл в этом спектакле свою роль. Меня убили не сразу - сначала мучили тем, что не давали спать, потом зажимали в дверь пальцы, после этого вливали в уши кипяток... Но кончили довольно гуманно - разложили висок стулом... Я говорил им во время следствия: "Ребята, я ж сам с Феликсом начинал ЧК, оперативную работу знаю, нельзя ж такую ахиною писать: на кой хрен Алексею Ивановичу Рыкову поручать мне следить за машиной Сталина, если он с ним вместе в Кремле живет, каждый день встречается на прогулках, - возьми револьвер да и зашмаляй в лоб, партия б только спасибо сказала, как-никак треть большевиков против Сталина проголосовала в тридцать четвертом году, на съезде, значит, оставались еще силы, чтобы повернуть назад, к Ленину?!" Куда там! Смеялись: "Ты еще нас будешь учить драматургии, старый дурак! У нас будущие Шекспиры будут учиться, а ты со своим Дзержинским лезешь! Его самого - за то, что он с Бухариным против Ленина и Сталина пер, - надо к стенке ставить, вовремя гукнулся рыцарь революции!"

Б а т н е р. Как показал обвиняемый Бессонов, при свидании с ним Троцкий сказал:

"Горький близко стоит к Сталину, он ближайший друг его и проводник генеральной линии партии. Вчерашние наши сторонники из интеллигенции в значительной мере под влиянием Горького отходят от нас. Горького надо убрать. Передайте это мое поручение Пятакову: "Горького уничтожить физически во что бы то ни стало".

На просцениуме - Горький.

Г о р ь к и й. Я, Пешков Алексей Максимович, литератор... Говорю я, как и всякий пишущий, плохо, предпочитаю перо, оно одно и облакает мысль в единственно верную форму... После того как Сталин в четвертый раз отказал мне в выезде - на лечение, в Италию, столь мною любимую, а вместо этого подарил особняк в Форосе, - я понял, что дальнейшие беседы бесполезны,

слово изреченное есть ложь, надобно писать... И - прятать... Крючков, секретарь мой, признался, что завербован Ягодой, но добавил, усмехнувшись:

"Я информирую лишь в позитивном ключе, напирая в рапортах на ваши добрые слова про Сталина". Я осознал весь ужас моего положения, когда двери закупорили; самые страшные периоды российской истории сопровождалась появлением термина "невъездной"... Таковыми были Пушкин, Лермонтов, Чаадаев... Удосужился этой чести и я... Не просто и не сразу я пришел к решению уехать из сталинской империи... Ведь вернулся я из Сорренто в двадцать восьмом, когда, казалось, победила идея ленинского нэпа, кооперации; нормой стала государственная терпимость, кончились кровавые шараханья времен гражданской войны... В двадцать восьмом лидером был русский интеллигент Бухарин... А "начиная с тридцатого, когда покатило тотальное издевательство над Россией, над всей Страной Советов, когда погнали в ссылки Ивана Смирнова и Льва Каменева, Карла Радека и Ивана Бакаева, когда меня потащили глядеть новаторские концлагеря, полагая, что старый дурак ничего не замечает, большой ребенок, трехнудый дед, я не считал себя вправе думать об отъезде... И за это янычары Сталина стали спаивать сына моего, Макса... А нарком Ягода увез к себе жену его, сделав своей любовницей..."

Я никогда не забуду глаз Сталина, когда летом тридцать четвертого он приехал ко мне - назавтра после убийства Гитлером своих братьев по партии Эрнста Рема и Грегора Штрассера... Они были тяжелы - не желтые, как обычно, а свинцовые, словно бы похмельные... Мы говорили о многом, и, когда я спросил его об этом преступлении, он только пожал плечами: "Германии нужен вождь, а не вожди... В революционной Франции множественность вождей окончилась императорством Наполеона..." Он помолчал, а потом усмехнулся: "Берегись любящих..." Как и все тираны, Сталин страдает эйфорией, ему кажется, что он все про всех знает... Что он

может знать о писателе? О внутреннем зрении его? О его чувствах и видениях?! Я был мягок с ним, ибо понял, что этот злобный человек тяжело и безнадежно болен, он не в своем уме, его логика столь логична, что в ней нет уж ничего человеческого... Как я молил его не судить в тридцать

шестом году Каменева, Левушку, умницу, дружка моего... Как я просил за Бухарина... А он пообещал: "Попробую уговорить в Политбюро, но вы должны отслужить делом: книгой о нашей победе". А Ягода уточнил: "Книгой о нем, Сталине", словно бы я не понимал этого сам... Писатель идет пороку на компромисс в слове сказанном, но в слове написанном - никогда. Поэтому - именно накануне процесса над Каменевым, понимая, что я не смолчу, - Сталин

и приказал меня убрать... Что только не пытались делать для моего спасения

добрые друзья мои, лекари! Другие меня убивали - сквозняком, чрезмерной дозой лекарства, лишней пилюлей... Мое тело только-только увезли в Колонный зал, чтоб люди прощались со мною, а Ягода уж начал обыск, все перерыл и нашел мои дневники, в моем матраце нашел, я так в Петропавловке свои статьи зашивал... И сказал моему секретарю Крючкову: "Вот ведь, старая б...! Сколько волка ни корми - все равно в лес смотрит..." Я в этих

дневниках, действительно, писал, что Сталин - злейший враг России, изменник, больной злодей... Сердце мое разрывалось от боли, когда я писал жестокую правду о нем, - ведь он бывал у меня, сидел за столом, говорил мне о любви своей, плакал, когда я читал ему свои вещи, но я-то знал, что он исчадие ада, я-то знал... Нет страшней пытки для литератора, чем разрываться между правдой и чувством... Они ведь сочиняли некролог по мне,

когда я жив еще был, доктор Плетнев, гений русской медицины, делал все, чтоб легкие мои сохранить, без него я б давно свалился... А его тоже сейчас будут пытаться - скоро начнут, ждите, получите свои зрелища, хлеб

получили уже, беспамятные! Дети ваши будут прокляты за эту беспамятность, кровь ваша будет проклята за это! Нет, это не добрая доверчивость нашего народа, не наивность его и вера в слово Патриарха! Это иудина торговля с собственной совестью за благополучие, полученное из рук сатрапа...

Б а т н е р. Обвиняемый Плетнев, принимавший непосредственное участие в

убийстве Куйбышева и Горького, показал: "Ягода мне заявил, что я должен помочь ему в физическом устранении некоторых политических руководителей страны... Должен признать, что в моем согласии на эти преступления сыграли

свою роль и мои антисоветские настроения, которые я до ареста всячески скрывал, двурушничая и заявляя о том, что я советский человек..."

На просцениум выходит доктор Флеминг.

Ф л е м и н г. Я, лауреат Нобелевской премии по медицине доктор Флеминг, клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнев, которому в застенках Ежова исполнилось шестьдесят восемь лет, является одним из самых великих европейских терапевтов. Его гений врачавателя может быть приравнен лишь к таланту Парацельса. Я встретился с Плетневым на конгрессе в Копенгагене. Ему удалось избавиться от двух охранников, не отпускавших его своим вниманием ни на шаг - как-никак кремлевский врач, - и тогда-то он сказал мне: "Моя родина превращена злым гением Сталина в концентрационный лагерь,

где появились качественно новые психические заболевания, неизвестные доньше человечеству: люди говорят одно, думают другое, мечтают о третьем; шизофрения - это раздвоение личности, у нас сейчас личность расщеплена на три - пять взаимоисключающих особей. Медицина бессильна в лечении этого страшного социального заболевания. Я уповаю лишь на господа. Если бы я не принимал клятву Гиппократа, если бы я не был русским аристократом, я бы отравил Сталина, чтобы избавить мою несчастную родину от чудовища, но я - человек чести и слова, я выпью до конца ту чашу, которую принуждают пить мой несчастный, искалеченный и зараженный моральной проказой народ".

На просцениум выходит Чемберлен.

Ч е м б е р л е н. Я, Невилл Чемберлен, премьер-министр Великобритании.

Да, бесспорно, процессы, проводимые Сталиным, чудовищны по своей сути, они имеют такое же отношение к правосудию, как дьявол к ангелу, однако нам выгодно проявлять определенную политическую гибкость, ибо Сталин раз и навсегда отмежевался от гитлеровской Германии, обвиняя ленинистов в том, что они являются агентами гестапо. Следовательно, в случае европейской конфронтации Сталин и Гитлер будут по разные стороны баррикады, что угодно интересам Британской империи.

Чемберлена сменяет Риббентроп.

Р и б б е н т р о п. Я, рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, сим подтверждаю, что представители русского посольства в Берлине имели три встречи с моими помощниками, заверяя их в том, что процессы в Москве никак не мешают развитию дружеских межгосударственных связей. При этом наше внимание было обращено на тот факт, что обвиняемый Троцкий привлекается к ответственности не только как шпион третьего рейха,

но и как агент британской "Интеллидженс сервис", Раковский обвинен лишь в английском шпионстве, Шарангович и Гринько - в работе на польскую разведку. Полагаю, что пропагандистскому аппарату моего друга Геббельса было бы целесообразно акцентировать, что даже цвет большевистского правительства признал великую правоту фюрера и пытался содействовать победе его идей на Востоке. Естественно, Троцкий, Каменев и Зиновьев одиозны, их имена должны быть исключены из газетных публикаций, тогда как

русские – типа Бухарина и Рыкова – могут стать объектом политической комбинации, особенно в свете наших долгосрочных задач на Востоке, гениально сформулированных лучшим другом арийской молодежи, величайшим корифеем науки, организатором и вдохновителем всех наших побед Адольфом Гитлером в его историческом труде "Майн кампф". Я бы считал необходимым использование материалов процессов в нашей прессе в том смысле, что Сталин

наконец вынужден признать сотрудничество Ленина с немецким генштабом и министерством иностранных дел, начиная с весны семнадцатого. Если мы поможем Сталину доказать ленинское шпионство на Германию, то Сталин навсегда станет единственным вождем "большевистской революции", – все остальные, как оказалось, служили нам. В благодарность за это, полагаю, он

примет целый ряд наших условий и пойдет на далеко идущие соглашения...

Б а т н е р. Обвиняемый Ягода, подтвердив, что сын Горького, Макс, был убит по его заданию, показал: "В мае тридцать четвертого года при содействии секретаря Горького Крючкова Макс заболел воспалением легких..."

Я г о д а. Я, Генрих Ягода, бывший председатель ОГПУ и бывший нарком внутренних дел Союза, считаю своим долгом пояснить следующее: мне не было,

нет и не будет оправданий, хотя все, что я делал, – начиная с отравления Дзержинского (считают, что ему подали отравленное молоко во время выступления на объединенном пленуме, а это просто вышла накладка с ядом, он превратил боржом в жидкость молочного цвета, но менять что-либо было поздно, стакан уже понесли на трибуну), – я делал по рекомендациям Сталина. Начиная с конца двадцатых вообще ничего нельзя было сделать без разрешения нового монарха России – Иосифа Первого... Я вступил в партию в девятьсот седьмом году... По прошествии двадцати лет, в разгар борьбы оппозиции против Бухарина, Сталина и Рыкова, я ощутил усталость, физическую и моральную усталость... Я понимал, что Сталин хочет дать нам, аппарату, достаток и вседозволенность. Троцкий же, наоборот, призывал к пуританству, революционному аскетизму и самоограничению, требуя покончить с так называемой "сановной партийностью". Поэтому я сделал свой выбор и поставил на Кобу. И сказал ему об этом. И он меня спросил: "Но вы понимаете, что, пока жив Дзержинский, оппозиционеры будут по-прежнему сидеть в ЦК?" И я ответил, что понимаю. С этой минуты, с двадцать шестого года, я был в сговоре со Сталиным. Он позволил мне изгнать всех дзержинцев, превратить ОГПУ, а потом и НКВД в мою личную гвардию, служившую лишь Сталину. Я ощутил сладкий ужас верховного могущества. Дважды – особенно после того, как мы провели фальшивое дело меньшевиков,

меня подмывало убрать Сталина, я понимал, куда он клонит: от процесса против меньшевиков – к процессу против Троцкого... Но когда он пригласил меня к себе – маленький, жалкий, раздавленный результатами голосования на семнадцатом съезде партии – и сказал, что пришло время уходить, но ему некому передать власть, разве что только мне, после того как я установлю по отпечаткам пальцев на бюллетенях, кто те триста семьдесят делегатов, выразивших ему недоверие и проголосовавших за демагога Кирова, – я дрогнул, ощутив в себе высокий и торжественный холод, предшествующий восхождению на высший пьедестал власти... "Вы провели меньшевистский процесс, – говорил мне Сталин, – пригвоздив к столбу позора ренегатов, вы организовали высылку Троцкого, заклеили буржуазных спецов Промпартии как

агентов капитализма – кому, как не вам, доложить на Политбюро результаты расследования? Кому, как не вам, после этого стать членом Политбюро?

Кому, как не вам, сменить Молотова на посту председателя Совнаркома, этот медный лоб мало чего стоит..."

Но Кирова убивали его люди, не я... Крючков, секретарь Горького, мой агент, доносивший все подробности о Буревестнике – не щадил ни на грош патрона, – написал в сообщении от третьего декабря тридцать четвертого

года: "Горький связывает убийство Кирова с расстрелом Гитлером своих ближайших друзей Рема и Штрассера - одна режиссура, кончится она провалом,

какого еще не видела история цивилизации". Да, устранение Кирова было комбинацией, проведенной Сталиным, я не знал подробностей, клянусь честью... Впрочем, у меня нет чести, я прокаженный...

В тюрьме я сижу очень комфортно, у меня отдельная камера, любимый роман

"Монте-Кристо" постоянно лежит рядом с топчаном, обед я заказываю из нашей

столовой, со следователем я начал сочинять свою роль сразу же после ареста, по вечерам играю в шахматы с моим заместителем Аграновым, который заходит в камеру после допросов; два дня у меня жил Радек - его демонстрировали Бухарину и Рыкову, мол, жив-здоров, трудится на даче под Ленинградом, пишет очерки по истории империалистической войны под фамилией

Палевский... А вообще я не знаю, как бы развивались события, не поддайся я

маниакальной торопливости Сталина...

Обычно медлительный, он в тридцать шестом году сделался истерически-неуправляемым, повторяя ежедневно: "Когда начнется процесс по Каменеву и Зиновьеву с Пятаковым и Радеком?" Я проклинаю тот день, когда подарил ему переплетенные тома записанных разговоров о нем, Сталине, между

Каменевым, Вавиловым, Зиновьевым, Мандельштамом, Радеком, Мейерхольдом, Бухариным, Бела Куном, Рыковым, Покровским, Плетневым... Зачем я это сделал?! После того как Сталин прочитал эти тома, в него вселился бес торопливости... Каменев, а особенно Пятаков обманули следователей, вписали

в свои показания смехотворные вещи: мол, летали на самолете Люфтганзы к Троцкому в Осло, а туда, оказывается, Люфтганза до сих пор не летает... Ну, на Западе и заулюлюкали... А Сталин решил, что я это сделал специально, желая скомпрометировать его процессы, которые делают его единственным вождем Октября, его, голубя, кого ж еще... Поэтому он и поставил надо мной Ежова, а теперь вот и посадил... Да, я дружу с моим следователем, хороший парень, доверчивый, честный, порою обращается ко мне

"товарищ нарком", дает говорить по телефону с сыном... Но когда он попросил меня написать в наш сценарий, как я готовил убийство Кирова, я сдуру ответил, что этот вопрос надо предварительно обговорить с Иосифом Виссарионовичем... С тех пор он запретил мне звонить домой... Значит, они взяли моего мальчика, мою кровиночку, в чем он-то виноват?!

Вот тогда я и вспомнил уроки Юры Пятакова во время следствия и начал з а к л а д ы в а т ь свои фугасы в листы дела, типа "при содействии Крючкова сын Горького заболел воспалением легких"... Вдумайтесь в эту фразу... Это же еврейский анекдот, а не фраза! Над ней будут хохотать потомки... "Посодействуйте мне в заболевании гриппом..." Ничего, а? А еще я забил в протокол, что дал задание моему помощнику Буланову отравить выдающегося сталинца, первого чекиста Ежова:

"Обрызгай ртутью его кабинет, пусть Ежов надышится парами"... Ничего, следователь поверил! Ухватился! Сказал, что товарищ Сталин высоко оценил это мое показание, просил передать привет, справлялся, не нужна ли какая помощь, предложил по воскресеньям вывозить меня на дачу, играть в крокет... Вы умеете играть в крокет? Странно, такая чудная игра... Хотите научу? Я ведь тоже раз вывез Каменева на природу - за два дня перед началом процесса... Я его боялся, он мог взбрыкнуть, потому-то и сказал ему на полянке в Зубалове, что, мол, лейте на себя грязь, Лев Борисович, сочиняйте небылицы, - партия проснется от спячки, когда услышит такой самооговор, это для меня единственный путь сместить Сталина... Я играл вдохновенно, и Каменев мне поверил... Даже глаза загорелись:

"Неужели наш несчастный народ выйдет из трагической спячки?!" Я ему

выйду!

(Ягода, рассмеявшись, подмигивает залу.) Мы ему выйдем, а?! Кто ж из пастухов разрешит овцам своим осознать себя людьми?! Дурак или неуч... А ну, давайте, стадо, кричите: "Да здравствует великий вождь советского народа товарищ Ягода!"

Чего молчите? Победи я в себе жидовское изначалие - всегда быть рядом с вождем, вторым, - еще как бы орали. А ну, встать! Да здравствует товарищ Сталин, ура!

НАРАСТАЕТ РЕВ ТОЛПЫ, НАРАСТАЕТ ДО УЖАСА, ДО РВУЩИХСЯ ПЕРЕПОНОК, ДО ОЩУЩЕНИЯ СВОЕЙ РАСПЛЮЩЕННОЙ НИКЧЕМНОЙ МАЛОСТИ...

Б а т н е р. На допросе в Прокуратуре СССР от 19 февраля тридцать восьмого года бывший член ЦК партии левых эсеров Карелин показал: "Я должен признать самое тяжелое преступление - наше участие в покушении на Ленина. Двадцать лет скрывался этот факт от советского народа. Было скрыто, что мы - по настоянию Бухарина - пытались убить Ленина... Процесс правых эсеров, проходивший в двадцать втором году, не вскрыл истинной роли Бухарина..."

На просцениуме - Ульянова.

У л ь я н о в а. Я, Ульянова Мария Ильинична, свидетельствую, что в день покушения на Ленина товарищ Бухарин, наш любимый, добрый и чистый Николай Иванович, обедал у нас в Кремле и всячески просил Ильича, чтобы тот не ездил выступать на завод Михельсона: "Ситуация в городе крайне нервная, Владимир Ильич, Дзержинский говорил, что в столице множество заговорщических групп, в первую очередь эсеровских, я понимаю - "безумству храбрых поем мы песню", но революции вы нужны живым..."

На просцениум выходит Дзержинский.

Д з е р ж и н с к и й. Я, Феликс Дзержинский, свидетельствую, что Бухарин передал мне семь писем, полученных им, главным редактором "Правды", одним из ведущих членов ЦК: "Мы расправимся с тобой! Вместе с тобой, Лениным и Троцким будут убиты Каменев, Зиновьев, Рыков, Цюрупа, возмездие неминуемо!" Я потребовал, чтобы Бухарин согласился наконец на охрану - хотя бы два чекиста-кронштадтца из частей Федора Раскольникова. Он отказался, сказав, что контрреволюция мечтает убить Ленина - вот кого надобно охранять как зеницу ока.

Однако и Ленин отказывался от того, чтобы его сопровождала охрана, похотывая при этом: "Меня сопровождала охранка начиная с девяносто третьего года, хватит, надоело". Следствие по делу Фанни Каплан показало, что она действовала самостоятельно, без указания эсеровского ЦК. Как и Мария Спиридонова, террористка Каплан была впервые арестована за революционную деятельность в девятьсот пятом году, приговорена к каторге, там изнасилована, заражена, брошена в рудник. С тех пор ее характер сделался неуправляемым, чрезмерно импульсивным, отвергающим какую бы то ни

было дисциплину... У ЧК не было серьезных оснований обвинять ЦК эсеров в решении убить Ленина... Мнения были, но разница между мнением и решением ЦК - огромна.

Вообще-то, если бы меня не устранили в двадцать шестом, я бы сидел рядом с Колей Бухариным... Я бы сидел с ним не потому, что любил его и дружил с ним, - Сталин тоже любил его и дружил с ним. Я бы сидел здесь потому, что неоднократно выступал против Владимира Ильича: и в апреле семнадцатого, и во время Брестского мира, когда мы с Бухариным возглавляли фракцию левых коммунистов, и во время эсеровского мятежа в Москве... Если в партии единомышленников невозможно открыть свое сердце - даже если ты выступаешь против того, кого все мы почитаем вождем, - тогда с идеей

социализма покончено, наступает реанимация черносотенного абсолютистского самодержавия... Да, я бы сидел рядом с русскими - Бухариным, Алешей Рыковым, Плетневым... Им вменяют в вину желание убить Ленина, Сталина, Свердлова в восемнадцатом году, а мое имя не упоминается, будто меня и не было в истории русской революции... Куда уж нам: Троцкий с Каменевым - евреи, безродные, я - паршивый лях, Петерс и Берзинь - латышские увальни, Артузов и Платтен - швейцарские ублюдки, Раковский - цыган, молдаванин юркий. Поздравляю, Коба, идея шовинизма пышно и ядовито прорастает - с твоей подачи - в сознании тех, кого мы хотели привести в царство интернационального братства... Не рано ли ты запретил печатать в Республике выражение Энгельса: "Россия - тюрьма народов"?

Это тебе можно было бы делать лет через десять, когда у людей изменится

психология, когда слово "личность" будет приравнено к матерной брани, - вот тогда, пожалуй, время, а пока-то ведь память о революции не до конца убита, Коба...

Б а т н е р. Под тяжестью улик обвиняемый Бухарин признал ряд преступных фактов и показал: "У нас был непосредственный контакт с левыми эсерами, который базировался на насильственном свержении советской власти во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым..."

На прощениуме - Свердлов.

С в е р д л о в. Я, Свердлов Яков Михайлович, по заданию ЦК и лично Ленина осуществлял постоянный контакт с товарищами левыми эсерами, которые - вплоть до Бреста - являлись членами советского правительства, занимая должности наркомов юстиции и земледелия, а также постоянных заместителей наркома государственного призрения и председателя ВЧК. В парламенте нашей республики, во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, товарищи

левые эсеры имели более ста депутатских мандатов. Естественно, доживи я до

сегодняшнего дня, быть бы мне на скамье подсудимых, ибо я неоднократно говорил с Лениным о неукротимой интригабельности Сталина, о его неумных претензиях и грубости. Я это знал лучше других, потому что с четырнадцатого по пятнадцатый год жил с ним в одной избе в ссылке. Не выдержал, съехал, нельзя терпеть, когда в глаза человека хвалят, величают другом, а только выйдет за порог - "дерьмо собачье, пробы ставить негде"... Единственно, кого Сталин боготворил в ссылке, так это Льва Каменева, называл его "учитель Левчик", по-грузински с ним любил беседовать, пели на два голоса... За это, кстати, Сталина сейчас можно привлечь как пособника шпиона и врага народа - обеспечено лет двадцать каторги на Кольме... Ну а мне с Горьким - смертная казнь... Еще бы, прямая

связь с французским генштабом: мой брат Зиновий был усыновлен Горьким, стал Пешковым. Что дало ему, еврею, возможность посещать гимназию, - у нас

главное вовремя отречься: от веры ли, национальности, друга, жены, сына. Зиновий отрекся, уехал и стал начальником разведки французской армии, а потом шефом генерального штаба... Я бы на этом процессе был ключевой фигурой...

Интересно, как бы пытали меня, председателя ВЦИКа? Хм, так же, как председателя Совнаркома Рыкова и председателей Коминтерна Зиновьева и Бухарина, - способов в арсенале вождей нашего гестапо партайгеноссен Ягоды

и Ежова немало, поднаторели... А бедного Николая Крыленко, первого главкома Красной гвардии, били галошей по лбу... Смеялись и били - с оттягом, пока не терял сознание... Но сломать не смогли, на себя он ничего

не показал, забили насмерть, прыгали каблуками по старческим ребрам...

Интересно, закрался ли в его затуманенный болью ум вопрос: "надо ли было мне вести красногвардейцев на разгром Керенского, на захват царской

ставки?". А Володю Антонова-Овсеенко палачи истязали так, что он лишился слуха и зрения... Инвалид на процессе не нужен... А ведь он штурмом взял Зимний... Немецкий шпион... Конечно, как же иначе, Октябрь был на руку немцам, и руководили им гестаповские наймиты, тогда как великий вождь мирового пролетариата гениальный Сталин в ночь восстания отсиживался на квартире Аллилуева, хотя по решению ЦК все наши должны были находиться в Смольном, текст зачитал Каменев, он уже вернулся в ЦК, включился в борьбу, голосовали все - кроме отсутствовавшего Сталина. Тот ждал исхода сражения, чтобы в случае нашего провала отойти в сторону: "ничего не знал, ничего не ведал"... За то, что об этом в сороковых, накануне очередной годовщины Октября, напишут Аллилуевы, - не знавшие, понятно, о каменевской резолюции ЦК, - их всех раскидают по тюрьмам...

Более всего Сталин боится друзей и родных - открывался перед ними, улики, непростительно... Я не знаю, о чем сталинцы допрашивали моего сына, когда он сидел в их подвалах, но, полагаю, хотели получить что-то против меня - на всякий случай, для куражу... Память мою они сейчас не потревожат, я им нужен в числе святых, но кто знает, что случится в будущем, - особенно если Сталин стоворится с Гитлером? Одним Литвиновым в женой Молотова не отделаешься, придется, глядишь, валить мой памятник и возвращаться к прежним названиям: "Театральная площадь" вместо "Площадь Свердлова". А почему нет? Наполеон начал с консула революции, а кончил императором контрреволюции... Наполеон был ребенком в сравнении с Кобой, - добрым, нежным, отзывчивым...

Он, Сталин, дал приказ расстрелять мою сестру, которая стала женой Ягоды... Ах, девочка, девочка, как я просил тебя, как советовал: "Подумай, маленькая, у Ягоды слишком тяжелые глаза и огромные ступни, которых он стыдится..." А что Сталин сделал с моим племянкой? За что он расстрелял мальчику? За что его пытали взрослые мужчины, глумились над ним, а потом приходили в свои дома и играли со своими детьми - до той поры, пока и их не брали и не расстреливали, а их детей сажали за решетку и превращали в забитых звереньшей... Ненависть рождает ненависть, страна бурлит от ненависти, в республике нет места добру, какая же это р е с п у б л и к а: "Смерть Бухарину! Казним Рыкова! Втопчем в грязь Крестинского! Превратим в пыль наймитов!"... Массовое выхаркивание слюнявой, слепой, невежественной, беспамятной ярости, ни грана надежды на объективность - смерть, казнь, беспощадность... Этот психоз ненависти приведет к тому, что следующее поколение забудет про улыбку, женщины станут бояться рожать, мужчины вырастут трусливыми предателями, готовыми оклеветать отца, только б самому выжить... Знаете, что прежде всего отличало Ленина? Смех. Он хохотал, как ребенок... Он не обращал внимания на то, что о нем подумают окружающие, он не с т р о и л образ, великого, степенного вождя, он был самим собою... После того как в него стреляла мерзавка Каплан, мы - Бухарин, Каменев и я - остались на ночь у него на квартире, открыв дверь в спальню, чтобы слушать его дыхание...

Бухарин плакал, когда Ильич тяжело закашливался... Он плакал, как дитя, - слезы его были так же безутешны и быстры, каплями дождя катились по впалым щекам...

Ильич потом потешался: "вы мои няни"... Кстати, именно тогда Ленин сказал о Бухарине: "Откуда столько рыцарской силы в этом маленьком человечке с огромным сердцем?" Я знаю, иные профессора языкознания сейчас говорят про нас, как про злых демонов, разрушивших традиционный уклад России... Уклад рабства? Бесправия?

Нищеты? Что ж, восстанавливайте! Наша революция была бескровной, мы начали, оттого что и з н е м о г л и, от запретов на работу, на мысль, от болтовни и прожектерства, мы жаждали д е й с т в и я!

Мы поначалу не хотели национализировать фабрики и мастерские, где работало не более двадцати человек, мы не, хотели закрывать оппозиционные газеты, мы не собирались национализировать все банки скопом... Но ведь генерал Каледин провозгласил поход на Питер, чтобы вздернуть большевистских жидомасонов на фонарных столбах, Пуришкевич с юнкерами готовил заговор! Банки не давали денег, чтобы платить оклады содержания рабочим и чиновникам! Керенский поднимал войска!

Англичане и французы готовили интервенцию! Что нам было делать?! Назовите революцию, более бескровную, чем Октябрьская? Ну? Кто?! Если вы вообще против Октября - поднимитесь и скажите открыто, без ужимок! Не надо пудриться фальсифицированной исторической памятью! Мужчинам это не к лицу!

Плеханов не боялся выступить против Октября! А мы, несмотря на это, поставили ему памятник!

При жизни, кстати! Горький не боялся обвинять нас в узурпаторстве! Что ж вы молчите? Есть мыши и есть люди! Кто вы, собравшиеся в этом зале?! Кто?!

Б а т н е р. Следствие считает установленным, что по заданию враждебных разведок была составлена заговорщическая группа под названием "правотроцкистский центр", поставившая своей целью шпионаж, диверсии, террор, расчленение СССР, свержение социализма. Все обвиняемые уличаются как свидетелями, так и вещественными доказательствами и полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях... Настоящее обвинительное заключение составлено в Москве двадцать третьего февраля тридцать восьмого года... Подписано: прокурор Союза ССР Вышинский...

Батнер поднимается, медленно выходит на просцениум.

Б а т н е р. Среди обвиняемых находится Вениамин Максимов-Диковский... Это родственник моей матери... Я не знаю, когда всю мою семью арестуют, но то, что арестуют, - несомненно... До таких уз ежовские янычары докопаются... Они обвинят меня в том, что я подмигивал Максиму или давал ему какие-то условные знаки...

Это неважно, что Максимов - полубезумен, расплющен, живой мертвец, его уже заранее приговорили к расстрелу... По ночам я успокаиваю себя: "Но ведь племянницу товари... тьфу... врага народа Троцкого, известную поэтессу Веру Инбер, не тронули? Она по-прежнему печатает свои стихи в газетах, журналах и издательствах... Почему меня - из-за факта дальнего родства с Максимовым - должны расстрелять?" Я успокаиваю себя, хотя знаю, что дни мои сочтены... Я сладок для нового процесса... После такого люди вообще перестанут говорить друг с другом, только дома - шепотом о самом необходимом, предварительно включив тарелку репродуктора... Останутся лишь

слова вроде "чай, хлеб, есть, молчи, гад, тшшш!" Больше и не надо! Готовьтесь к камерной жизни, дамы и господа! Как только меня возьмут, я вас всех заложу, всех до одного! Впрочем, нет, шестьдесят процентов из тех, кто здесь, в этом зале, будут расстреляны до конца марта сего года! Сначала они расскажут коллективам про скорпиона Бухарина и гиену Рыкова,

а

потом - в подвал! Под пулю, пулечку, пуленочку... Да здравствует опережающее разрастание раковых клеток тотального неверия! Вал и качество подозрительности!

Премии и доски почета для доносчиков! Стукни! Вовремя стукни, товарищ! Дай показания! Если ты не один, а тащишь за собою на дно связку множеств, эдакую гирляндочку из пары сотен тысяч троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, отзовистов, марксистов, - не страшно, поверьте! Кстати, читали

у графа Алексея Константиновича Толстого поэму "Сон советника Попова"? Настоятельно рекомендую!

Наш аристократ как дважды два доказывает, что добровольное доносительство - наша традиция! Дай бог памяти, сейчас, погодите, прочитаю отрывочек (читает)...

Кстати, а ведь меня от смерти спас профессор Плетнев Дмитрий Дмитриевич, что называется, вернул с того света! У-у, вражина поганая! Дал

бы умереть спокойно, детям бы кремлевку оставили и путевку в санаторий! У нас покойников не судят!

Вовремя умирайте, дурни!

У л ь р и х. Бухарин, признаете себя виновным?

Б у х а р и н. Да.

У л ь р и х. Рыков, признаете себя виновным?

Р ы к о в. Признаю.

У л ь р и х. Раковский, признаете себя виновным?

Р а к о в с к и й. Да.

У л ь р и х. Плетнев, признаете себя виновным?

П л е т н е в. Да.

У л ь р и х. Ходжаев Файзула, признаете себя виновным?

Х о д ж а е в. Признаю.

У л ь р и х. Ягода...

Я г о д а. Виновен.

У л ь р и х. Буланов, признаете себя виновным?

Б у л а н о в. Да.

У л ь р и х. Бессонов...

Б е с с о н о в. Виноват.

У л ь р и х. Крестинский, признаете себя виновным?

К р е с т и н с к и й. Был, есть и буду большевиком-ленинцем. Виновным себя не признаю.

Ульрих, враз постарев, ссутулившись, выходит на просцениум.

У л ь р и х. Все! Это конец... Такого прокола Сталин нам не простит. Значит, сегодня же процесс прекратят, а когда он возобновится, я буду сидеть рядом с Крестинским.

На просцениум выходит Вышинский.

В ы ш и н с к и й. Я хотел покончить с собой в октябре семнадцатого, когда ленинцы узурпировали власть в несчастной России. Я сунул холодный ствол маузера в рот, закрыл глаза, вознес молитву Всевышнему Господу нашему и Судне, но палец отказался подчиниться моей воле. Что же мне делать сейчас? Я не выдержу пыток, я не Крыленко или Антонов-Овсеенко с Постышевым, - они русские мужики, ленинские фанатики, лишены п о н и м а н

и я ужаса боли... Я испытал высокое облегчение, когда Ягода официально завербовал меня в тридцать первом году, и впервые запросил компрометацию на тогдашнего прокурора Крыленко... Я ощутил счастье полета, высокую уверенность горного орла, его общность с устремленностью воздушной стихии... А что мне делать сейчас?! Случился чудовищный брак в работе!

А бракодел - вредитель. Я - вредитель! Я обвиняю себя, Андрея Вышинского, в том, что я являюсь гнусным вредителем, мое признание тому порука, а вещественное доказательство - вот оно, на скамье подсудимых, Крестинский, посмевавший обмануть всех нас, кто потратил на работу с ним целый год! Вдумайтесь только, товарищи, мы работали с ним в камере целый

год! Страна решала гигантские задачи социалистического строительства! Ширилось движение ударников! Перевыполнялись планы создания сети качественно новых заполярных концентрационных лагерей смерти, чего еще не смогла добиться ни одна цивилизация в истории человечества!

Сеял разумное, доброе и вечное новый Ломоносов России – Трофим Лысенко!

Советские люди разоблачили таких мерзавцев, как Туполев, Сергей Королев, академик Вавилов. Только-только народ начал обретать счастье и уверенность в завтрашнем дне, как – на тебе! Вредительство в зале суда! Я обвиняю Вышинского в том, что он вошел в стовор с троцкистско-кагановичев... тьфу, бухаринским бандитом Стали... тьфу, Крестинским, и требую для него смертной казни!

Расстреляйте меня, товарищи! Расстреляйте, пожалуйста! Я не могу пустить себе пулю в лоб, а пыток я не снесу! Помогите мне! Ведь я служил вам верой и правдой, угадывал ваше желание убрать с земли всех тех, кто хоть когда-то решался спорить с Иосифом Виссарионовичем, – во имя вашего же блага... Ну, пожалуйста, помогите мне, товарищи зрители! Вы же все квалифицированные автоматы-расстрельщики!

Неужели вам так трудно избавить меня от тех мучений, которые начнутся, как только Ульрих объявит перерыв и пойдет в сортир – стреляться?

На просцениум выходит Сталин. Раскуривает трубку.

С т а л и н. Спасибо, дорогой товарищ Крестинский... Получив ваше письмо из камеры, я долго думал над ним – оно того заслуживало... Как же это важно, когда человек убежден, что делает именно то, во что верит, считая основополагающую идею своей, выстраданной, одному ему принадлежащей... А ведь идею об отказе от показаний Крестинскому подсказал

я – через десятых лиц, после месяцев в одиночках и карцерах... Я подводил его к этому не торопясь, подбирая нужных советчиков, это была игра почище детских интриг Борджиа... Теперь, товарищ Крестинский, вы до конца доказали всем нам, в Политбюро, что являетесь настоящим ленинцем, стойким большевиком, истинным революционером... Ваш отказ признать себя виновным в

шпионаже доказывает то, во-первых, что наш суд – самый демократический, справедливый и самый беспристрастный в мире. Во-вторых, отказ признать себя виновным в том, что вы являетесь троцкистско-бухаринской гиеной, выбивает козырь из рук мерзавцев, которые болтают, что наши процессы – состряпанные, нечестные, процессы. Разве на состряпанных процессах кто-нибудь решится отрицать свою вину? За время революционной работы меня – в отличие от Каменева, Троцкого, Фрунзе, Бухарина, Раковского, Держинского, Свердлова, Томского, Рыкова, Розенгольца, Смирнова – ни разу

не судили... Меня высылали административно, с правом снимать себе дом и выписывать одежду и обувь из столицы, но памяти и фантазии мне не занимать: на фальсифицированных процессах обвиняемые признавали все. Так о

какой же фальсификации болтают товарищ Троцкий и его присные? Вот она – зримая свобода социализма: человек, обвиняемый в шпионаже и терроре, гордо

бросает суду: "Ни в чем не виноват!" И, наконец, в-третьих, ваш, товарищ Крестинский, отказ признать свою вину доказывает Политбюро, что Ежов – не такой уж крупный чекист, как о том начали писать в газетах, если не он, а я, Сталин, придумал ваш пассаж, вызвавший сенсацию, если не он, а я, Сталин, придумал, как спасти мундир доверчивых дурачков из НКВД, которые столько напортачили во всех предыдущих процессах, что над ними хохочут европейские правоведа... Вот, товарищ Крестинский, таковы вкратце результаты той операции, которую вы разыграли. Все дальнейшее зависит от вас: пойдете ли вы на расстрел с гордо поднятой головой, с сознанием выполненного долга перед нашей большевистской партией, или вас грубо поволокут на казнь, как Зиновьева, – в случае если вы отступите от разработанного мною сценария, поддадитесь давлению ежовских садистов,

согласитесь признать свою вину после перерыва, который сейчас объявят, и, таким образом, сыграете на руку Троцкому: "мол, ему вкололи препарат, и он предал себя!" Держитесь, товарищ Крестинский! Я прошу вас, как моего коллегу по секретариату ЦК, - держитесь!

ПОСЛЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПАУЗЫ - ЗВУЧАЛИ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ БОЛЬШЕВИКОВ, МЕНЬШЕВИКОВ И

ЭСЕРОВ - НАЧИНАЕТСЯ РАБОТА ВРАГА ЛЕНИНА И ДРУГА СТАЛИНА, ПАЛАЧА ВЫШИНСКОГО...

У л ь р и х. Начинаем допрос подсудимых. Бессонов, подтверждаете свои показания на предварительном следствии?

Б е с с о н о в. Да.

У л ь р и х. У обвинения есть вопросы к Бессонову?

В ы ш и н с к и й. Разрешите?

У л ь р и х. Пожалуйста.

В ы ш и н с к и й. Когда вы стали на путь троцкистской деятельности?

Б е с с о н о в. В тридцать первом году я работал в берлинском торгпредстве СССР... На этой почве я связался с Пятаковым, который поручил

мне организовать связь с Троцким.

На просцениум выходит Пятаков.

П я т а к о в. Я, Пятаков, бывший заместитель наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Из-за дружбы со мною Серго был убит Сталиным. Его убили через несколько дней после того, как меня расстреляли в подвале тюрьмы. Сначала мне выстрелили в голову, а потом, несмотря на то

что мои мозги разбрызгались по стене, был произведен контрольный выстрел в

сердце. Я был убит, семья уничтожена, несмотря на честное слово Сталина, что их не тронут, если я признаюсь и помогу партии похоронить троцкизм. В обвинительном заключении, зачитанном год назад в этом же зале Вышинским, было сказано, да и напечатано в книге - черным по белому, - что "по указанию Троцкого в т р и д ц а т ь т р е т ь е м году был организован центр в составе Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова...". Неужели страна лишилась памяти?! На кого рассчитывает Сталин?

Ведь показания Бессонова передают по Всесоюзному радио! А он говорит, что я его п р и в л е к в тридцать первом! Нельзя же так презирать народ! Нельзя рассматривать наших людей, как сообщество недоумков! Кстати, с Бессоновым я вообще старался ни о чем не говорить, потому что он был никаким не дипломатом, а агентом Ягоды в Берлине, который вел наблюдение за советскими гражданами...

Рекрутировали его в агентуру из эсеров... К нам, большевикам, он примкнул лишь в конце восемнадцатого, поэтому работал на Ягоду не за страх, а за совесть, - доносил, как пел... Мои друзья, дзержинцы, ветераны

ЧК, относились к нему с презрением, называли "подметкой"... Их, ветеранов,

не судили даже: расстреливали из пулеметов, сотнями, а то и тысячами...

После месяцев ужаса я начал писать сценарий процесса, поверил Сталину, - "троцкизм поднял голову в Испании, теряем позиции в мире". Но когда от меня стали требовать имена друзей и товарищей по подполью, революции, гражданской войне, социалистическому строительству, желая, чтобы я оклеветал самых талантливых и работающих, я понял, что в стране случился контрреволюционный переворот. И тогда я стал закладывать свои ф у г а с ы в ягодо-ежовское следствие... Почитайте стенограмму моего процесса! Внимательно почитайте... Я, например, чистосердечно показал, что встречался с Львом Седовым, сыном Троцкого, в Берлине, в кафе "Ампоо", около зоосада... А - нет такого кафе! Нет и не было!

Есть - "Ам Цоо"! Что, считаете такого рода защиту слишком туманной? Ничего! Дети умней отцов! Внуки мудрее - в четыре порядка! Разберутся! Впрочем, те, кто аплодировал нашей казни, будут делать все, чтобы

продолжать клеймить нас... А ведь аплодировали десятки миллионов; каково им будет признаться в том, что они – молчаливые соучастники инквизиции, контрреволюционного переворота? Они будут во всем оправдывать Сталина – чтобы оправдать себя! Они станут говорить, что нельзя зачеркивать все, что

сделано, что нужен жесткий порядок, святые идеалы... Почему же все молчали, когда Сталин – на ваших глазах – расстреливал нашу революцию?

На просцениуме – Ленин.

Л е н и н. Я, Ленин Владимир Ильич... Разрешите прочитать коротенький отрывок из моего письма к съезду... Я знаю, что за хранение этого документа Сталин сейчас расстреливает любого и каждого, как контрреволюционера, гестаповца, троцкиста...

Хм-хм. Итак, о Пятакове... "Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько

слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы из самых молодых сил... Пятаков – человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе. Конечно, и то и другое замечание делается мною лишь для настоящего времени в предположении, что эти выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои

односторонности..." О Бухарине я скажу позже, когда Вышинский – мой несостоявшийся палач – начнет пытаться любимца партии, нашего Николая Ивановича... Прилюдно... У вас на глазах... При вашем попустительстве... Кстати, через три дня после того, как были написаны эти строки о Пятакове,

я добавил следующие: "...те нападки, которые сейчас слышатся на председателя Госплана Кржижановского и его заместителя Пятакова и которые направляются обоюдно так, что мы слышим, обвинения в чрезмерной мягкости, несамостоятельности, в бесхарактерности, а с другой стороны, слышим обвинения в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, недостаточно солидной научной подготовке, – я думаю, что эти нападки выражают две стороны вопроса, преувеличивая их до крайности, и что нам нужно на самом деле умелое соединение в Госплане двух типов характера, из которых образцом одного может быть Пятаков, а другого – Кржижановский". Кстати, сколько вам было лет, когда я писал это, товарищ Пятаков?

П я т а к о в. Тридцать два. Я мучительно жалею, что меня минула чаша брата моего, Леонида... Более того, я завидую ему...

Л е н и н. Брат расстрелянного Сталиным товарища Пятакова, Леонид, был на два года старше его... Тоже профессиональный революционер, кристальный большевик...

Остался в Киеве на нелегальной работе, был схвачен белыми в январе восемнадцатого – всего через два месяца после победы Октября... Сейчас много говорят о наших жестокостях... Хм-хм... А знаете, как белые пытали товарища Пятакова? Нет, не Юрия – в сталинских застенках, – а Леонида? Ему

вырезали кожу со спины – длинными полосами... Руки и ноги несчастного были

связаны, он мог только кричать, но он молчал... Потом ему выкололи глаза –

сначала левый, потом правый... А потом – у живого еще – начали высверливать сердце... Вот так... Юрию тогда было двадцать восемь лет, он возглавлял временное правительство Украины...

Вообще же к революции примкнул мальчиком, в девятьсот четвертом... Был под судом царя, неоднократно бежал из ссылок... Именно он был первым председателем Киевского ревкома – после, февраля; руководил нашей революцией на Украине – вечная ему за это память... Первый председатель, то есть комиссар, советского Госбанка... С девятнадцатого года – член Реввоенсоветов наших армий на самых трудных участках... Герой победы над Врангелем... Подчинялся мне и председателю Реввоенсовета Республики

товарищу Троцкому... Работал заместителем Феликса Дзержинского - в Высшем Совете Народного Хозяйства... Начиная с десятого съезда - по моему предложению - избирался в члены ЦК... В двадцать пятом, когда поддержал Каменева, его критику Сталина, предложение убрать того с поста генсека, был смещен...

В ы ш и н с к и й. Бессонов, что вам говорил Пятаков относительно правых? Кого называл?

Б е с с о н о в. Пятаков говорил, что предпринимаются шаги для установления организационного контакта с правыми...

В ы ш и н с к и й. С кем именно?

Б е с с о н о в. С Бухариным, Рыковым и Томским.

В ы ш и н с к и й. Обвиняемый Бухарин, можете подтвердить показания Бессонова?

Б у х а р и н. Я подробно показал на предварительном следствии, что попытки контакта правых с зиновьевцами, а потом и с троцкистами были и раньше...

На просцениум выходит Радек.

Р а д е к. Я, Радек Карл Бернгардович, враг народа, в прошлом член ЦК, начал революционную деятельность под руководством Розы Люксембург и Дзержинского в Польше. Оттуда отправился в Швейцарию, работал с Ильичем во

время Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Октября приехал в Питер, был направлен ЦК в Наркоминдел, затем отправился в Германию, на помощь Люксембург и Либкнехту, принял участие в проведении первого съезда Компартии Германии, был за это арестован и брошен в тюрьму. Затем вернулся

в Москву, стал секретарем Коминтерна, вплоть до смерти Ильича был членом большевистского ЦК... До ареста и осуждения трудился в "Известиях" под руководством Бухарина... Фраза Николая Ивановича "попытки контакта правых с зиновьевцами и троцкистами были и раньше"

есть его крик о помощи, ибо когда и если издадут документы ЦК, станет ясно, что по поручению Политбюро не Бухарин, а именно Сталин блокировался с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого, потом предлагал Троцкому союз против Каменева и Зиновьева, а затем сблокировался с Бухариным - именно тогда его называли "правым", так что Бухарин здесь говорит не о себе, о Сталине. Троцкий активно не жаловал Бухарина, прежде всего нападал на него, Бухарина, а не на Сталина.

Видимо, вновь настала пора учить наш народ умению читать между строк...

Со свободой слова было покончено в тридцатом году - раз и навсегда... Немало этому помог и я - начал славить Сталина, полагая, что надо продержаться до семнадцатого съезда - там мы его забаллотуем... Со Сталиным нельзя играть в дипломатию - только в маузер... слюнявый интеллигент, поделом мне... Вчитайтесь в каждое наше слово, во фразу, старайтесь понять нашу интонацию, - только тогда вам откроется тот ужас, который поглотил нас... Кстати, меня убили только в сорок первом - разозжили голову об стенку... Это было в Орловском каторжном изоляторе...

После начала войны... Перед смертью я с ужасом думал: "Неужели наш параноик действительно верил в то, что Гитлер позволял работать на него еврей Радеку... Несчастный народ, попавший в руки ненормального человека"... До того как меня убили, я писал - по заданию Сталина - ряд брошюр, изданных под чужими именами... А ну, попробуйте, найдите-ка меня в библиотеках! Теперь ведь у вас перестали сажать за то, что человек проявляет интерес к старым книгам...

В ы ш и н с к и й. Бессонов, продолжайте объяснения...

Б е с с о н о в. Пятаков поставил передо мною задачу: организовать постоянную связь с Троцким. После нескольких разговоров с ним (это было в начале мая тридцать первого года) и по его совету я с рекомендательной запиской разыскал сына Троцкого - Седова и через него передал первое

письмо Пятакова к Троцкому.

В ы ш и н с к и й. При каких обстоятельствах вы вручили это письмо?

Б е с с о н о в. Седов тогда стоял в центре внимания германской, я бы сказал, бульварной прессы, ибо перед этим с его сестрой – дочерью Троцкого

– произошло одно происшествие, в результате которого много писали о самом Троцком, его детях...

На просцениуме – Лев Седов.

Л е в С е д о в. Я, Лев Седов, сын Троцкого... С моей сестрой случилось

не происшествие. "...Агенты Ягоды попросту повесили ее, стараясь имитировать самоубийство. Меня агенты Ежова убьют позже – отравят в парижской клинике "Монморанси"... Потом убьют отца – проломают голову альпенштоком... Мой друг детства Яша Джугашвили, когда мама укладывала нас

спать на одном диване в кремлевской квартире, шептал: "Лева, ты не знаешь,

какое это чудовище – мой отец! Он сумасшедший, Левка! Оставьте меня у себя! Попроси маму, Левушка, я боюсь, он бьет меня, он псих, псих, псих..."

На просцениум выходит профессор Бехтерев.

Б е х т е р е в. Я, доктор Бехтерев, психиатр... Меня отравили на другой день после того, как я, осмотрев Сталина в его кремлевском кабинете, неосторожно сказал ассистентам, ждавшим меня в приемной у Поскребышева: "Тяжелая паранойя".

С тех пор Сталина наблюдали все врачи, кроме психиатра и невропатолога.

В ы ш и н с к и й. Продолжайте, Бессонов...

Б е с с о н о в. В конце мая тридцать первого года с рекомендательным письмом Пятакова я разыскал Седова и имел с ним короткий разговор. Затем я передал ему письмо Пятакова. И деньги, которые Пятаков передал для Троцкого.

В ы ш и н с к и й. Какие деньги?

Б е с с о н о в. Он дал мне две тысячи марок для Седова с целью организации переотправки писем...

На просцениуме – Шахт.

Ш а х т. Я, Яльмар Шахт, президент банка, финансовый бог Гитлера, судимый в Нюрнберге и оправданный союзниками, несмотря на протест русских,

посаженный затем аденауэровскими лизоблюдами, свидетельствую: в тридцать первом году, в период инфляции и падения курса марки, две тысячи могло хватить на приобретение четверти спички. Не коробка, а именно спички! В Германии тогда получали миллиардные зарплаты, поскольку обед стоил сто миллионов...

П я т а к о в. Я, Пятаков Юрий Леонидович, расстрелянный год назад, возмущен ходом ведения этого процесса! То, во имя чего я положил свою жизнь, согласившись оклеветать себя в спектакле под названием "Процесс-37", – во имя разгрома троцкизма – на грани провала! Даже Яльмар Шахт хватается обвиняемого Бессонова за руку! Он врет, как мелюзга! Товарищ Вышинский, неужели вы забыли, что я показывал год назад в этом зале?!

Вспомните, как я говорил, – по сценарию, утвержденному Иосифом Виссарионовичем, что мой первый контакт с Седовым организовал Иван Никитович Смирнов в середине лета тридцать первого года! Летом, а не в мае! Да, верно, после моего расстрела Троцкий доказал, что Седова не было летом в Берлине, и вы поэтому заставляете Бессонова рассказывать о майской

встрече! Но ведь любопытные поднимут газетные отчеты о нашем процессе! А там Шестов показывает, что Седов вообще передавал для меня не письма, а ботинки – в ресторане "Балтимор". Поставил на стол два ботинка, в подошвах

которых были письма Троцкого... Помните, как я просил вас, товарищ Вышинский: "Уберите этот эпизод у Шестова! Смешно! Какой конспиратор ставит на стол в ресторане ботинки с секретными письмами Троцкого?!" А знаете, что мне ответил товарищ Вышинский? Не знаете? Правда не знаете? Он

засмеялся: "На дураков рассчитано, дураки и не это проглотят!" Но ведь у дураков рождаются дети! И совершенно не обязательно, что дети дураков будут дураками!

В ы ш и н с к и й. Продолжайте, Бессонов...

Б е с с о н о в. Когда Крестинский поздним летом тридцать третьего года

приехал лечиться в Германию, он имел со мной разговор... Первый разговор касался условий свидания Троцкого с Крестинским...

В ы ш и н с к и й. Кто желал этого свидания? Троцкий или Крестинский?

Б е с с о н о в. Крестинский.

В ы ш и н с к и й. Крестинский, вы с Бессоновым виделись?

К р е с т и н с к и й. Да.

В ы ш и н с к и й. Разговаривали?

К р е с т и н с к и й. Да.

В ы ш и н с к и й. О чем? О погоде?

ГОМЕРИЧЕСКИЙ ХОХОТ ВСЕГО ЗАЛА, ОВАЦИИ, ВЫШИНСКИЙ ГАЛАНТНО КЛАНЯЕТСЯ, ПРОТИРАЯ ОЧКИ.

К р е с т и н с к и й. Бессонов был поверенным в делах в Германии...

Информировал меня о положении в стране, о настроениях в фашистской партии, которая в то время была у власти...

В ы ш и н с к и й. А о троцкистских делах?

К р е с т и н с к и й. Я троцкистом не был.

В ы ш и н с к и й. Значит, Бессонов говорит неправду, а вы - правду?

Вы

всегда говорите правду?

К р е с т и н с к и й. Нет.

В ы ш и н с к и й. Следовательно, Бессонов говорит неправду?

К р е с т и н с к и й. Да.

В ы ш и н с к и й. Но вы тоже не всегда говорите правду. Верно?

К р е с т и н с к и й. Не всегда говорил правду... во время следствия...

В ы ш и н с к и й. А в другое время говорите правду?

К р е с т и н с к и й. Да.

В ы ш и н с к и й. Почему же такое неуважение к следствию? Говорите неправду следствию... Объясните... Хм... Ответов не слышу... Вопросов не имею.

Крестинский выходит на просцениум.

К р е с т и н с к и й (обходя Вышинского, дружески кладет ему руку на плечо, тот также дружески улыбается, провожая его взглядом). Товарищи, герой революционных боев, подсудимый Раковский старше меня по возрасту, но

по времени пребывания в рядах ленинской гвардии - я здесь ветеран, вступил

в российскую социал-демократию в девятьсот третьем году, начал мальчишкой,

кончил секретарем ЦК... Подполье, аресты, допросы царской охраны приучили

меня к точности поступков и конкретике всеотрицающих фраз... После ареста меня спросили, хочу ли я быть расстрелянным без суда, - показаний против меня хватает, - желаю ли я воочию видеть смерть семьи, родных, друзей или же предпочитаю помочь партии в борьбе против троцкизма... Я выбрал последнее, решив, что по прошествии многих месяцев, когда расположу к себе

ежовских следователей, того же Вышинского, - как всякий меньшевик, он обожает рисовку, позу, многоречив, словесный понос - я передам письмо

Ежову: "лично для тов. Сталина И. В.". И в этом письме предложу игру в отказ от признаний: "Как заместитель наркома иностранных дел, я читал все отклики на два первых процесса, Иосиф Виссарионович... Поверьте, мы подставляем! Ягода сослужил вам, стойкому борцу против троцкизма, злую шутку, когда обвиняемые, все как один, обливали себя дерьмом, - это противоестественно... Это Византия, инквизиция, аутодафе... Если я откажусь на первом заседании от показаний, Троцкий начнет кричать о победе справедливости, о том, что "Крестинский нашел в себе мужество плюнуть в лицо палачам!". А потом, после допросов Бессонова, которому можно верить, как себе - ведь он получит орден за свою роль, так мне говорили, - после обличений Раковского - он известен всему миру как борец, старый троцкист, - я расскажу и возьму на себя в с е...

Поверьте, Иосиф Виссарионович, опыт дипломатической работы говорит мне:

именно это будет истинной победой!" Вот каков был мой замысел, когда я подписывал idiotские показания, сочиненные безграмотными следователями... Прочитав письмо, ко мне пришел Ежов. Он был в ярости: "Ты мне эти штучки брось, Николай Николаевич! Мы ж с тобой выучили весь текст! Нет времени заставлять Бессонова и Раковского переучивать свои показания! Да и Бухарин

может взбрыкнуть!" - "Допрашивай Бухарина после моего признания, - бросил я мой главный козырь. - Но если мое письмо Кобе не передашь - пеняй на себя". И я выиграл, получив - единственным изо всех обвиняемых - право отказаться от показаний, данных палачам под пыткой. Я - первый и единственный, кто породил сомнение в процессе... А дальше - это будет через пять минут - Бессонов произнесет строки, которые ему вписали под мою

диктовку: "Я, как советник полпредства в Берлине, должен был по заданию Крестинского не допустить нормализации отношений между Советским Союзом и Германией на обычном дипломатическом уровне". Понимаете? Нет? Но ведь речь

шла об отношениях с Гитлером! Сталин требовал налаживать отношения с чудовищем, с нашим врагом... А еще через два дня я признаюсь в том, что Бессонов организовал мне встречу с Троцким в Мерано... Но ведь это итальянский курорт! Троцкий был бы немедленно схвачен в фашистской Италии как "враг нации"... Об этом сейчас молчат, но, после того как фашизм и национал-социализм рухнут, раздавив под своими обломками немцев и итальянцев, всплывут архивы, потомки увидят, что я не виновен, и назовут Сталина так, как его и надлежит называть: "враг народа, изменник ленинизма, губитель партии большевиков"... Не сердитесь за то, что я обманул вас. Я это сделал во имя наших детей. Простите меня, товарищи... В

конце концов, это ложь во спасение...

В ы ш и н с к и й. Подсудимый Гринько, расскажите суду о своей преступной деятельности...

Г р и н ь к о. Чтобы ясен был путь моих преступлений и измен, вы должны

помнить, что я вступил в компартию в составе боротьбистов - украинской националистической организации...

На просцениуме - Клара Цеткин.

К л а р а Ц е т к и н. Я, Клара Цеткин, председатель Германской компартии и президент рейхстага, должна заявить следующее: орган заграничного бюро украинской социал-демократии "Борьба" начал выходить в

Женеве в пятнадцатом году и сразу же занял интернационалистскую позицию...

В декабре шестнадцатого года большинство боротьбистов влились в ленинскую партию, среди них и товарищ Гринько - настоящий, убежденный большевик...

Г р и н ь к о. В тридцать третьем году я, будучи членом ЦК и народным комиссаром финансов, связался с фашистами. Подробные показания я дам в

закрытом заседании...

На просцениум выходят несколько человек – мужчин и женщин в полосатых бушлатах узников гитлеровских концлагерей, с красными звездами на спине и груди.

П е р в ы й. Я, член Центрального Комитета Коммунистической партии Германии Фриц Зайферт, свидетельствую: после побега из концлагеря Зитинген

в тридцать пятом году я перешел чехословацкую границу и оттуда добрался до

Москвы. Работал в Коминтерне. В тридцать шестом году был арестован, подвергнут пыткам, ибо отказался "сотрудничать со следствием". Что значит "сотрудничать"? Это когда тебе говорят, что ты должен признаться в шпионстве и дать показания, что по заданию гестапо следил за Пятаковым, когда тот был в Берлине в тридцать первом году, и самолично видел, как он встречался с сыном Троцкого – Львом Седовым. Я объяснил следователю, что

в тридцать первом году еще не было гестапо. Он сказал мне, что я клевету на честных людей, утверждавших этот факт, и показал мне три протокола допроса. Он не убедил меня, отправил в карцер, а после этого другой следователь предложил признаться в том же, но – по отношению к Крестинскому, уже в тридцать третьем году. Я ответил, что и на это не могу

пойти – при всем моем желании помочь следствию, – сидел в гитлеровском концлагере. Что было потом, я не хочу вспоминать. Через год мне дали двадцать пять лет каторжных лагерей и десять лет поражения в правах... Смешно, как можно "поражать" в правах, если я не являюсь гражданином Советского Союза? В сороковом году, в сентябре, – всех нас, германских коммунистов, – вывезли из концлагерей и привезли в Бутырки. Нас переодели в костюмы, дали сорочки, полуботинки и галстуки, посадили на "доп" – дополнительное питание... Я спросил одного из работников НКВД, что все это

значит? Он ответил: "Вас отсюда отвезут на закрытое судебное заседание в другой город... На закрытом заседании вы скажете всю правду о том, как над

вами издевались садисты врагов народа Ягоды и Ежова... И – отпустят". Я заплакал от ощущения победившей правды. Заплакал – впервые в жизни... Нас действительно погрузили в "столыпинку" и через день выгрузили... Это был Брест. Нас повели вдоль железнодорожной колеи – "на закрытое заседание, где надо сказать всю правду".

Возле полосатого столба стоял наряд гестапо. Штурмбаннфюрер приветствовал начальника нашего конвоя возгласом "хайль Гитлер", "да здравствует Гитлер".

Начальник конвоя – мне показалось – хотел крикнуть в ответ "да здравствует Сталин". Но он не крикнул, он молча поклонился гестаповцу, обменялся с ним рукопожатием и передал нас нацистам. Все мы были отправлены в концлагерь Маутхаузен; гестаповцы смеялись над нами, отправляя в болота: "А, наши дорогие агенты! Товарищ Сталин сказал, что вы

сами попросились на родину, работайте, дорогие друзья, во благо рейха, пока не сдохнете. Жизни вам отпущено по семь месяцев каждому, потом – в печку, так что наслаждайтесь пока и благодарите за вашу счастливую жизнь фюрера богоизбранной нации немцев, единственной правопреемницы Рима, нации, не разжиженной чужой кровью, расе традиций, почвы и корней!" Вот так, товарищи зрители... Среди вас нет тех, которые так печалются о забвении всего хорошего, что было во время великого Сталина? А то – пусть поднимаются... Подискутируем... У нас в Германии – после нашей гибели и краха нацизма – до сих пор живут люди – и бывшие члены партии, и молодые парни в черных рубашечках, – которые обожают Гитлера: "при нем был порядок!" У вас их называют "неонацистами", очень хулят... Но они лишены возможности захватить власть, потому как все немцы помнят, что пришло следом за крахом Гитлера, утверждавшего, что мы – богоизбранный народ

традиций, корней и почвы... Сильная демократия сможет сдерживать неонацизм... А у вас? Сможете сдерживать "неосталинистов"? Или страх как хочется бить поясные поклоны новому царю-батюшке? Чтоб Слово было законом?

Чтоб не думать, а слепо исполнять приказы нового фюрера... вождя? Кстати, нас в Москве, немецких коммунистов, до начала сталинского контрреволюционного термидора было полторы тысячи человек. Тысяча товарищей была расстреляна и замучена в сталинских застенках... А нас, четыреста семьдесят человек, передали в гестапо, чтобы Гитлер добил тех, кого не добил Сталин... Давайте, защитники Сталина! Поднимайтесь на сцену!

Отстаивайте свою точку зрения! Защищайте вашего кумира! (Товарищ Фриц задирает бушлат, все его тело в шрамах.) Это, кстати, со мною сделали ваши

люди! Под портретом господина с трубкой! Неужели у вас перевелись защитники Сталина?

Из зала на сцену выходит женщина.

Ж е н щ и н а. Я защитница не Сталина, а Памяти нашей, Истории, дорогой

товарищ Фриц! Я сострадаю вашему горю, поверьте! Но ведь Сталин не знал обо всем этом!

Его обманывали враги! Это был заговор Кагановича, Шварцмана, Бермана и прочих масонов!

Г е с т а п о в е ц, о х р а н я в ш и й н е м е ц к и х к о м м у н и с т о в.

А почему вы не упомянули таких мерзавцев, как Эренбург и Юрий Левитан? Они тоже жидомасоны, разве нет?!

Ф р и ц З а й ф е р т (в зал). Товарищи, будьте бдительны! Если вы не скажете этой вашей "Памяти" с нинами андреевыми "но пасаран", "фашизм не пройдет" - вас ждет такая беда, какую страшно представить! Вы станете ужасом мира, и конец ваш будет таким, как это описано в "Апокалипсисе" ...Да, я стал верующим, когда Сталин передал меня Гитлеру. Я верю в Бога, потому что лишь он - луч надежды на справедливость...

В ы ш и н с к и й. Подсудимый Рыков, вам не приходилось говорить с Гринько о Крестинском?

Р ы к о в. Нет. Мне с Гринько не было надобности говорить, я и так знал, что Крестинский троцкист. И Крестинский знал, что я... что я... член

нелегальной организации...

На просцениуме - Крупская.

К р у п с к а я. Я, Крупская Надежда Константиновна, свидетельствую, что товарищи Рыков и Крестинский состояли в одной нелегальной организации большевиков, готовя свержение царизма... Внимательно следите за каждым словом обвиняемых ленинцев, товарищи! Вдумайтесь в смысл каждой фразы! Например, товарищ Радек на предыдущем процессе смог обмануть палачей. В своем последнем слове он сказал: "Я д о л ж е н признать вину, исходя из оценки той общей пользы, которую эта правда должна принести..." Поняли Радека, товарищи? Мы - конспираторы, легко понимаем друг друга, и вам надо

понимать... Слушайте дальше последнее слово Радека: "Этот процесс имеет громадное значение... Он показал, что троцкистская организация стала агентурой тех сил, которые готовят войну.

Какие для этого факта есть доказательства? Показания двух людей - мои, я получал письма от Троцкого (к сожалению, я их сжег) и Пятакова.

Показания других обвиняемых п о к о я т с я на наших показаниях..."

Поняли? Все обвиняемые признавались в том, что им написали, никаких улик и

фактов, одни "показания". А разве это доказательство - показание?!

Слушайте, что Радек говорил дальше: "Если вы имеете дело с уголовниками, ш

п и к а м и, то на чем вы можете базировать уверенность, что мы сказали

правду?" А Вышинский назвал Радека и Юру Пятакова уголовниками и шпиками... Доказательств у Вышинского не было, только самооговор Пятакова и Радека... Неужели вам не понятно это, товарищи? А д о б и л сталинцев Радек следующим образом: "Нет нужды убеждать вас в том, что мы присвоили себе государственную измену..." Понимаете? "Присвоили"! Это кто ж измену присваивает?! И - дальше: "Надо убедить в этом распыленные троцкистские элементы в стране, троцкистские элементы во Франции и Испании"... Вот чего требовал Сталин, и ради этого дал Радеку сказать так, как только тот и умел говорить...

Сталин привык к тому, что Радек с о р и л анекдотами... Он не понял своим прямолинейным умом схоласта, что Радек обвинил его в фальсификации и подлоге, иначе Сталин бы не напечатал стенограмму процесса... А меня Сталин посадил под домашний арест, а потом погубил... Меня, жену Ленина...

В ы ш и н с к и й. Продолжайте, Гринько...

Г р и н ь к о. После февральско-мартовского Пленума ЦК в рядах заговорщиков была поднята кампания против наркома внутренних дел Ежова, в котором концентрировалась собранность и целеустремленность партии... Кампания шла по двум направлениям: дискредитировать Ежова и его работу внутри партии, оклеветать его... Ставился вопрос о необходимости убрать Ежова, как человека наиболее опасного для заговорщиков...

В ы ш и н с к и й. Что значит - убрать?

Г р и н ь к о. Убить... Якир и Гамарник поручили троцкисту Озерянскому подготовку теракта против Ежова.

В ы ш и н с к и й. Озерянский работал у вас? Гринько. Да, начальником Управления сберкасс...

На просцениуме - Петров.

П е т р о в. Я, Петров Алексей Федорович, тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, коммунист, заочник филфака, москвич, от имени совета трудового коллектива завода имени Ленина вношу предложение о присвоении товарищу Озерянскому звания Героя Советского Союза - посмертно... Кто за?

На просцениуме - Озерянский.

О з е р я н с к и й. Товарищи, я, Озерянский. Ефим Абрамович, из рабочих, сидел в тюрьме вместе с Дзержинским, в партию большевиков вступил вместе с анархистом Железняком по рекомендации Феликса Эдмундовича, должен просить вас переголосовать предложение товарища Иванова... Я не получал задания убить Ежова... Я никогда не был ни в какой оппозиции, как говорится, колебался вместе с линией, я отказался выйти на процесс, чтобы рассказать, как готовил убийство советского Гимmlера, и за это был расстрелян вместе с женой и двумя сыновьями.

В ы ш и н с к и й. Продолжайте, Гринько...

Г р и н ь к о. О подрывной работе в Наркомфине... Рыковым была дана бухаринская формула: ударить по советскому правительству советским рублем.

Вредительская работа должна была быть развернута по тем мероприятиям, которые связаны с широкими интересами трудящихся: налоговое дело, сберкассы - они были сокращены до минимума, главное - создать очереди, вызвать неудовольствие... Большая подрывная работа была проведена в области бюджета... Правотроцкистским блоком была разработана программа по подрыву капитального строительства... Я участвовал также в подрывной работе в области сельского хозяйства... Рыков ставил вопрос так: надо, чтобы колхозник меньше получал на трудовень...

На просцениум выходит Молотов.

М о л о т о в. Я, Молотов Вячеслав Михайлович, председатель Совета Народных Комиссаров и член Политбюро... Слушая показания Гринько, я осознал весь ужас своей позиции в тридцать шестом году, когда воздержался

против суда над Каменевым и Зиновьевым! Как-никак, работал под их руководством целых семь лет, вместе боролись против оппозиции, вместе с ними защищал Сталина от наскоков Троцкого, Раковского, Радека, Крупской...

За это товарищ Сталин примерно наказал меня: Каменев признался, что хотел убить вождя, Кагановича, Орджоникидзе, Ежова и Ворошилова, а меня словно бы не существовало... Товарищ Сталин никогда не обижает грубым словом - он

все ставит на свои места намеком... Я проголосовал за убийство Каменева, и

на следующем процессе Пятаков показал, что хотел убить меня, Молотова... Последние три года Совнарком бьется над капитальным строительством, мы дали права судам сажать рабочих за брак, за опоздание на десять минут. Но дело не идет! Орджоникидзе кричал мне: "Вы ничего не добьетесь, потому что

арестованы все командиры производства". Но в свете показаний Гринько оказалось, что прав Ежов, а не Орджоникидзе... Да, я приказал, чтобы была сокращена сеть сберкасс, но кто знал, что из-за этого выстроятся очереди, в которых зреет недовольство? Я же в городе не бываю, в Кремле живу! Почему Гринько не пришел ко мне с этим вопросом? Почему не спорил? Почему не протестовал? Боялся? Кто честен - не боится! Этому учит нас Иосиф Виссарионович!

Разве вы боитесь выступать против того, с чем не согласны?!

Пожалуйста,

выходите сюда и выражайте свое несогласие с товарищем Вышинским! Боитесь? Но чего же?!

Чего?!

В ы ш и н с к и й. Подсудимый Гринько, вам известно о вредительской работе "правотроцкистского блока" в области снабжения населения предметами первой необходимости - хлебом и так далее?

Г р и н ь к о. В области товарооборота вредители осуществляли подрывную работу, создавали товарный голод, товарные затруднения в стране... Это относится как к продуктам питания, так и к товарам первой необходимости...

На просцениум выходит Мехлис.

М е х л и с. Я, Мехлис Лев Захарович, член ЦК, главный редактор "Правды", был помощником товарища Сталина начиная с двадцатого года... Показания бухаринского чудовища Гринько сделали до конца очевидным для советского народа, отчего в стране нет масла и колбасы, трудно с хлебом, невозможно купить мыла, галош и керосина... Это работа смрадного троцкистско-бухаринского болота... Работа - болото, неплохая рифма, надо подарить кому-нибудь из истинно пролетарских поэтов... Гитлеровцы винят в отсутствии достаточного количества маргарина и в карточной системе евреев и большевистских масонов, царь все валил на социалистов, жидов и студентов, а мы наконец сказали всю правду: в наших недостатках виноваты троцкистско-бухаринцы! Что ж, писатели ждут социального заказа, они его получают сейчас же! Не свора бюрократов, не дураки, заменившие расстрелянных ленинцев, не правительство виновато в том, что на всех улицах стоят очереди, а тайные заговорщики, враги великого Сталина! Здесь писатели есть? Идите ко мне - хорошо заплачу за работу, вознесу до небес, объявлю гениями!

Чего медлите? Смотрите, позову других - те рысцой прискачут... В Германии ввели "гитлеровские премии", очень престижно. Мы скоро введем свои, сталинские, все двери откроют художнику... Ну, бегом!

У л ь р и х. Подсудимый Чернов, свои показания на предварительном следствии подтверждаете?

Ч е р н о в. Целиком и полностью... Проучившись два года в духовной семинарии, я примкнул к меньшевикам, каковым и оставался до двадцатого, когда вступил в большевистскую партию, и честно выполнял свой долг до

двадцать седьмого года, но старое меньшевистское нутро во мне, бесспорно, сохранилось... С Рыковым я встретился осенью двадцать восьмого года...

Вы,

Чернов, сказал он, являетесь народным комиссаром торговли Украины, ваша задача – добиться озлобления середняка путем распространения на середняцкие массы тех репрессивных мер, которые партия распространяла на кулака... Углубляйте перегибы, озлобляйте середняка, учтите чувство украинского населения и везде объясняйте, что эти перегибы являются следствием московской политики...

В ы ш и н с к и й. Обвиняемый Рыков, в этой части показания Чернова соответствуют действительности?

Р ы к о в. Я с Черновым виделся, собирался сделать сторонником и нашел в его лице готового единомышленника...

На просцениуме – Сталин.

С т а л и н. Я, Сталин Иосиф Виссарионович... Что они все там, с ума посходили?!

Почему Рыков подтверждает ту ахинею, которую несет этот расстрига Чернов? В двадцать восьмом году правого уклona – как оформившейся группы

– не было! Где Ежов? Немедленно исправьте этот провал! Хотите, чтобы Запад снова уличил нас в фальсификации?! Хотите снова бросить на меня тень?!

На просцениум выходит Ежов.

Е ж о в. Я, Ежов Николай Иванович, нарком внутренних дел... Срочно выведите из зала суда Рыкова, я должен с ним поговорить...

Два конвоира приводят к нему Рыкова.

Е ж о в. Товарищ Рыков, вы заметили, какую ахинею несет Чернов?

Р ы к о в. Не я писал ему показания.

Е ж о в. Со следователем мы разберемся, но необходимо как-то исправить положение... Чаю? Угощайтесь, бутерброд с икоркой... Вот, кстати, газеты...

Изголодались, наверное, без прессы... Положение в Испании тревожное, фашисты наступают по всему фронту... Троцкисты и их армия ПОУМ бегут, оголяя фланги республиканцев... И вот, нате-пожалуйста, такой подарок троцкистам с придурком Черновым...

Р ы к о в. Статистов вы подбирали, не я.

Е ж о в. Товарищ Рыков, да что же мы с вами препираемся, право! В конце

концов, оба большевики, хоть вы ветеран, а я из молодых, но ведь за суд над Каменевым – сразу после фашистского выступления Франко в Испании – вы тоже проголосовали!

Тогда вы понимали, как нам важно изолировать мировой троцкизм – особенно в свете прямого выступления фашистов в Испании и борьбы троцкистов против агрессии Гитлера. А сейчас?

Р ы к о в. Тогда Сталин дал слово, что Каменев не будет убит... А его расстреляли...

Е ж о в. Каменев имел возможность отрицать свою вину! Кто ему мешал? Кто мешает это делать Крестинскому? Пожалуйста, если хотите ударить партию

ножом в сердце – отрицайте и вы! Проведем закрытый процесс – и точка!

"Слушайте голос Рыкова, народ его голос выковал!" Слова Маяковского, а вы?! Даже о жизни членов вашей семьи не желаете подумать! Тоже мне отец! Возвращайтесь и примите решение!

Сделайте что-нибудь! Это – ультиматум!

Рыков возвращается на скамью подсудимых.

В ы ш и н с к и й. Рыков, вы в то время какую занимали должность?

Р ы к о в. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР... Чернов очень ускоряет события... Вопрос о захвате власти, который я ставил, относился не к двадцать восьмому, а к тридцатому году...

В ы ш и н с к и й. Чернов, продолжайте...

Ч е р н о в. Мы включили в свою программу запутать семенное дело и тем снизить урожайность... В части животноводства были поставлены задачи:

вырезать племенных производителей, добиваться падежа скота, не давать развиваться кормовой базе...

Следующий раз я встретился с Рыковым осенью тридцать второго, когда колхозное движение окрепло, кулачество было разгромлено и деревня уже стала реально ощущать результат индустриализации страны...

На просцениум выходят дети, женщины с грудными младенцами, старики; каждый представляется:

- Я, Маша Прокопчук, меня съели во время голода тридцать первого...

- Я, Клавдия Васильевна Птицына, умерла - с тремя детьми - во время голода тридцать второго года.

- Я, Сергеев Иван Куприянович, был расстрелян во время голода тридцать второго года, когда сказал, что враги разрушили нашу деревенскую жизнь...

- Я, Левашов Егор, пяти лет от роду, умер рядом с мертвой мамкой, вся наша деревня вымерла от голодухи, и было это в декабре тридцать второго...

СЛЕДУЕТ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА, В КОТОРОЙ ЗВУЧАТ ПЕСНИ УДАРНИКОВ, ВОСПЕВАЮЩИЕ УСПЕХИ

СТРАНЫ...

У л ь р и х. Подсудимый Иванов, подтверждаете свои показания?

И в а н о в. Целиком и полностью.

В ы ш и н с к и й. Когда вы вступили в контрреволюционную организацию?

И в а н о в. Мое первое грехопадение началось в одиннадцатом году, когда я стал агентом охраны...

В ы ш и н с к и й. С кем были персонально связаны?

И в а н о в. С ротмистром Маматказиным...

На просцениуме - Ежов.

Е ж о в. Я, нарком Ежов... Фамилию Маматказин придумал товарищ Сталин... Есть такое ругательство "мама-дзагли"... Так он модифицировал его на русский манер...

Мы, русские, доверчивый народ... Если поверили, что Бухарин с Каменевым

- гестаповские шпионы, почему не поверить в "Маматказина"? Почему не пошутить?

Почему не дать посмеяться тем же обвиняемым? В конце концов, у товарищей обвиняемых трудная работа. Много труднее, чем у актеров. У тех есть суфлер, подскажет, а этим ошибиться нельзя, подведут партию...

В ы ш и н с к и й. Продолжайте, Иванов. Иванов. Интересен был разговор с Бухариным в двадцать шестом году. Он прямо говорил, что нужно

готовиться к борьбе в открытом бою против партии. Имейте в виду, говорил он, мы даем своими выступлениями программу для консолидации всех недовольных элементов в стране...

Бухарин выходит на просцениум.

Б у х а р и н. Именно я, Бухарин, будучи в двадцать шестом году членом Политбюро, председателем Коминтерна и главным редактором "Правды", вел идейную борьбу с оппозицией товарищей Троцкого, Зиновьева и Каменева. Именно в двадцать шестом году - в этом может убедиться каждый, кто поднимет стенограмму съезда, - Сталин, обращаясь к лидерам оппозиции, заявил: "Требуете крови Бухарина? Нет, мы не дадим вам крови Бухарина, истинного любимца партии, гордости большевиков-ленинцев..." Это было двенадцать лет назад - всего лишь... Я вижу в этом зале людей моего возраста... Вы помните, товарищи? Вы читали газеты той поры? Древние говорили: "Если бог хочет наказать человека, он лишает его разума"... Верно, хотя можно конкретизировать: "лишает памяти"... И пусть не аплодируют моим словам штурмовики вашей нынешней "Памяти"! Они как раз беспамятны по своей сути, ибо малограмотны... Царские охранники, допрашивая меня, требовали, чтобы я признался: "Бухарин - это псевдоним, вы еврей, родившийся в Бухаре, назовите свое настоящее имя..."

Инквизиция в Испании во всем винила арабов и выкрестов, сожгла на кострах сотни тысяч несчастных, а чем все кончилось? Тем, что Испания

стала окраиной Европы...

Кайзер боролся с социалистами и евреями, видя в них все беды, и чем все кончилось? Свергли! То же случилось и с династией Романовых... А Гитлер: "Во всем виноваты большевики, масоны и евреи"... Чем он кончил? Я не хочу продолжать, хотя мог бы... Мог бы, увь... Если бог хочет покарать нацию, он лишает ее памяти!

В ы ш и н с к и й. Продолжайте, Иванов.

И в а н о в. Мы на протяжении тридцать шестого года виделись с Бухариным... В частности, в ноябре или декабре тридцать шестого года я перед Бухариным ставил вопрос, что организация разваливается, сами массы разоблачают наших участников, не стали ли мы банкротами?

В ы ш и н с к и й. Вы это говорили Бухарину?

И в а н о в. Да. Я никогда не видел Бухарина таким яростным и злобным, как тогда... Он поставил вопрос таким образом, что нужно пойти на уничтожение тех, кто решится раскаться... В тридцать седьмом году у нас тоже был разговор...

короткий...

В ы ш и н с к и й. Короткий?

И в а н о в. Короткий... Была очень большая настороженность... Бухарин меня информировал, что принимаются меры, чтобы обязательно побудить в тридцать седьмом к выступлению фашистской страны...

Вышинский выходит на просцениум.

В ы ш и н с к и й. Ничего не понимаю! Неужели Ежов нарочно торпедует процесс такими идиотскими показаниями?! Всем известно, что с осени тридцать шестого года Бухарин жил у себя на даче, на Сходне, под домашним арестом... Надо срочно уничтожить всех, кто жил тогда на Сходне: они же могут обмениваться мнениями, они же знали, что опальный вождь был в полнейшей изоляции... В конце концов, Сходня - не Москва, пара тысяч жителей - ерунда, капля в море... Но предлагать это надо не Ежову.

На просцениуме - Жданов.

Ж д а н о в. Я, Андрей Жданов... Почему вас беспокоит этот вопрос, товарищ Вышинский? По всей стране идут митинги с требованием казнить фашистского изувера и шпиона Бухарина, советские люди требуют кары этому Смердякову от социал-демократии... Пускали к Бухарину или не пускали - кого это волнует?

Поверженный враг обречен на забвение. Через десять лет фамилия Бухарин станет никому не известной... И потом - зачем вы пришли с этим ко мне, а не к товарищу Ежову? Его люди отвечали за следствие, я секретарь ЦК, а не следователь, не мой вопрос, товарищ Вышинский... Вы - обвинитель, вам и карты в руки. Если Иванов лжет - дезавуируйте его...

В ы ш и н с к и й (обращается к суду). Разрешите огласить показания Бухарина.

Показания от двадцать пятого декабря тридцать седьмого года... "Вновь я установил связь с Ивановым во время десятого съезда партии, беседовал с ним в кулуарах... В двадцать шестом - двадцать седьмом годах, когда мы готовились к открытым боям против партии, я рекомендовал Иванову не предпринимать открытых наскоков..." Подтверждаете, Бухарин?

Б у х а р и н. Речь идет не о боях, а о выступлениях.

В ы ш и н с к и й. Вы говорили об открытых боях?

На просцениуме - Ежов.

Е ж о в. Товарищ Бухарин, а ведь Юра, Юрашка, Юрчик, сынок твой, крошка еще... А как на тебя похож? Вылитый папка... И шустрый такой же, и глазенки острые... Так все и сечет, так все наскрозь и видит... Не забывай о масеньком, Николай Иванович... Мы ведь договорились с тобой... Как большевики договорились, как братья по партии... Ты уж давай, не подведи...

В ы ш и н с к и й. Вы говорили об открытых боях?

Б у х а р и н. Это я не отрицаю.

В ы ш и н с к и й. Потом Иванов поехал вторым секретарем крайкома на Северный Кавказ, и вы дали ему поручение заниматься организацией нелегальной группы правых. Верно?

Б у х а р и н. Правильно.

В ы ш и н с к и й. Именно нелегальной?

Б у х а р и н. Нелегальной.

Бухарин выходит из-за скамьи подсудимых на просцениум.

Б у х а р и н. Товарищи, в перерыве между заседаниями суда зайдите в библиотеки и прочитайте стенограммы партийных съездов той поры. Только, психически больной человек или тиран, презирающий наш народ, как скопище недоумков, может вписывать в мои ответы признания о создании "нелегальных групп правых"! Тогда правых вообще не было в природе! Как, впрочем, и позже... Что же, я даже рад тому, что должен подтверждать домогательства Вышинского и показания провокатора Иванова:

это тоже форма защиты... Не вы, так ваши дети убедятся в том, что на ваших глазах насильовали правду истории... А вы - молчали... Более того, вы

славили насильника... Как же вам не стыдно, а?

В ы ш и н с к и й. Раковский, вы признаете себя виновным?

Р а к о в с к и й. Признаю.

На просцениуме - Ульянова.

У л ь я н о в а. Я, Ульянова Мария Ильинична... Должна засвидетельствовать, что Ильич всегда относился с глубочайшим уважением к товарищу Раковскому... Еще бы... Он вступил в социал-демократическое движение еще в восемьдесят девятом году. Дружил с Розой Люксембург, Плехановым, Каутским, Бебелем, прошел тюрьмы, много тюрем... В январе восемнадцатого был руководителем Украинской ЧК... Потом председателем Совнаркома. Украины. Избирался в ЦК начиная с девятнадцатого года... Милый, интеллигентнейший, добрейший молдаванин... Трагедия в том, что он

как и Бухарин, Каменев, Рыков, Пятаков, Косиор, Смилга, Дзержинский, Фрунзе, Окуджава, Бубнов, Мдивани, Серго - был личностью... Он не считал для себя возможным соглашаться с чем-то только потому, что другие соглашаются... Он открыто выражал свои сомнения, считая, что перед союзом единомышленников надлежит говорить правду, никакой дипломатии, тайн, никакой слепоты и рева "ура"... Ильич, который сам был Личностью, принимал

это, более того, поощрял...
У вас сейчас говорят: "культ личности"... Это рискованное словосочетание, товарищи. Истинная Личность никогда не позволит создать из себя культ... История свидетельствует, что культы создают несостоявшиеся, претенциозные, бескультурные люди... Знаете, как плакала товарищ Крупская, когда Сталин протащил решение построить Мавзолей? Ведь это же глумление над Лениным! Ильич не терпел византийских фокусов, рабского преклонения перед д о л ж н о с т ь ю, с а н о м... Личность и есть Личность...
Право, понятие культа к личности неприложимо - только к идолу...

В ы ш и н с к и й. Раковский, как вы ответите на мой вопрос - был ли Крестинский троцкистом?

Р а к о в с к и й. Крестинский был троцкистом и с троцкизмом никогда не порывал...

В ы ш и н с к и й (обращается к Крестинскому). Если верно то, что говорил Раковский, то будете ли вы обманывать суд и отрицать правильность данных вами показаний в тюрьме... на предварительном следствии?

К р е с т и н с к и й. Свои показания на предварительном следствии полностью подтверждаю...

В ы ш и н с к и й. Что означает в таком случае ваше вчерашнее отрицание?

К р е с т и н с к и й. Под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелыми впечатлениями от оглашения обвинительного акта, усугубленного моим болезненным состоянием, я не смог сказать правду, признать, что виновен. Вместо того чтобы сказать - "да, виновен", я почти машинально ответил - "не виновен".

На просцениум выходит Сталин, медленно раскуривает трубку.

С т а л и н. Я, Сталин... Спасибо, Христиан Георгиевич, спасибо, товарищ Раковский, дорогой мой болгарский друг, боевой соратник по Реввоенсовету Юга, вместе громили беляков, как давно это было, вечность прошла, минута, миг...

Господи, как же я благодарен Тебе за милосердие Твое и доброту к рабу Твоему...

Пусть самый строгий судья прочитает все, написанное мною: ни одного слова хулы против Тебя не сорвалось с кончика пера моего... Пусть Твой самый строгий судья прочитает, что готовили мне для брошюр и речей Мехлис и Поскребышев, Товстуха и Важанов, сколько раз норовили они задеть имя Твое, но я ни разу не позволил им замарать сиянный Лик Твой... Только Твоя благодать открыла мне путь к победе...

Это сейчас считают, что в двадцать седьмом году, когда Бухарчик, атеист и философ, провел исключение из партии Зиновьева и Каменева, а Рыков подписал санкцию на ссылку Троцкого, Раковского, Радека, Смилги, Смирнова, Муранова, Бакаева, я достиг высшей власти... Так считают подготовишки от политики.

Господи! Так считают неучи, не сознающие высшей тайны борьбы за лидерство...

Никогда я не был так близок к краху, как в двадцать седьмом году, несмотря на то что убрал Фрунзе, заменив его Ворошиловым, и похоронил Дзержинского, поставив на его место Ягоду... Менжинский не в счет, он разведкой занимался, меня это не волновало, меня интересовали настроения и слова внутри страны... А настроения были в пользу Бухарина! А слова были о несправедливости по отношению к ссылке Троцкому, вождю Красной Армии...

А слухи были о том, что рабочие ропшут из-за роста цен... А мнения партийцев были таковы, что я отступаю перед кулаком... И все как один талдычили: "вождь партии Бухарин, вождь кремлевского правительства - Рыков". А я? Кем был я? Троцкого и Зиновьева было не так уж трудно свалить

- стоило только напомнить новым наборам партийцев, что все лидеры левой оппозиции - евреи... А вот как быть с Бухариным и Рыковым? Мужик их поддерживает, интеллигенция - боготворит, партийцы - верят... Как мне было поступать тогда?

Я был растерян и одинок, и прозрение пришло из Памяти моей, из того, чему учил меня пахан Иллидор: "Оберни врагов твоих на борьбу против тех, кого они считают друзьями твоими, дай им справить пир на телах тех, кто поверг их в прах..."

Спасибо Генриху, чудо что за человек Ягода, он смог мысль мою воплотить в дело, донес до ссыльных подвижников идеи постоянной революции, во имя которой они готовы отдать жизни свои, и благополучие семей своих, что, мол, Сталин остался один на один с кулацким уклоном в партии, что дни его сочтены и тогда наступит бухаринская реставрация капитализма, конец штурму и натиску революционных бурь, крах мечты о победе пролетариата в мировом масштабе... Умница Ягода, работал тонко и мудро, агентура подталкивала

руку бессребренных адептов мировой бури: "я порвал с троцкизмом, прошу вернуть в партию, чтобы вместе со всеми строить социализм..." Но не я возвращал их в Москву, а именно Бухарин - добрая душа - на погибель свою... А когда ссыльные большевики снова сели в московские кабинеты, когда получили право на голос, а он у них зычный, красивый, не то что у меня, - вот тогда они и повели атаку, вот тогда я, незримо опираясь на их и д е й н о с т ь, свалил Бухарина с Рыковым... Спасибо за это тебе, товарищ Раковский, без твоей помощи я бы не свалил нашего любимого Бухарчика, спасибо тебе, товарищ Крестинский, и вам, расстрелянным уже друзьям моим Левушке Каменеву и Юре Пятакову, низкое вам спасибо за то, что вы, нехристи, выполнили высшую волю.

Никого я не боюсь, кроме как тебя, Господи... Был бы я неправ - покарал бы Ты меня, никакая охрана б не спасла, но ведь жив я, и народ славит меня, и мир внемлет словам моим, разве б Ты допустил это, будь я не прав? Погоди, пройдут годы, и я докажу всю дурь ленинистов, которые з а м а х и в а л и с ь на примат Слова, и откровение мое будет называться "Марксизм и вопросы языкознания", и труд этот - во славу Твою, Господи - станут зубрить глупые атеисты, как новый катехизис революции, хоть смысл в нем другой, противоположный...

Я чист перед Тобой, Господи! Я покарал тех, кто посмел возомнить себя птицей, хотя все мы черви навозные, мразь перед Тобой... Прости же меня, Господи, за прегрешения мои, если и были они, Ты ведь знаешь, как сир и туп народ, доставшийся мне в царство, как предавал он идолов своих и владык земных, как труслив он и неумел в труде, так дай же мне каленым железом начертать в душах их: "повинуйся - и да не позволю вам исчезнуть с лица Земли!" Кто, как не я, знаю народ свой? Кто, как не я, прожил жизнь среди них?! Я их "винтиками"

называю, "ржю", "железками", а они кланяются мне в пояс! Я говорю им, что любой другой народ прогнал бы таких, как я, а они многия лета поют мне с амвонов! Как же мне можно с ними иначе, кроме как каленой строгостью и безотчетным повиновением?! Не потому я жесток к ним, что не люблю, а оттого, что знаю душу их, не способную к тому, чтобы стать в рост и крикнуть: "Явись мне, Господи, и дай сил на борьбу!" Побоятся! Поползут в храмы - молить, чтобы священники замолвили за них слово перед Всевышним!

У самих от страха глотки пересохнут...

Как же я могу бросить этот несчастный народ в рабском горе его и юдоли?!

На просцениуме - Ежов.

Е ж о в. Так, порядок! Все идет по плану! Признание Крестинского немедленно закрепляем репликами подсудимых! Быстро, товарищи враги народа!

Сейчас важен темп, искренность, чувство, логика, раскаяние! Приготовились к съемкам! Камера, мотор! Радиостанция имени Коминтерна, начали!

В ы ш и н с к и й. Продолжайте, Бухарин.

Б у х а р и н. По мысли Томского, составной частью нашего переворота было чудовищное преступление - арест семнадцатого партийного съезда! Пятаков против этой идеи высказался не по принципиальным соображениям, а по соображениям тактического характера: это вызвало бы исключительное возмущение среди масс...

На просцениуме - Бела Кун.

Б е л а К у н. Я, Бела Кун, один из создателей Венгерской коммунистической партии, умер во время пыток в сталинских подвалах... От меня требовали признания в том, что я шпионил для Германии по приказу моего друга Бухарина... Я не пошел на стовор с гестаповцами Ежова. За это мне выжгли папирасой глаза... Я восхищаюсь Бухариным! Я клянусь себя за то, что не вышел с ним вместе на это единоборство... Только кретины не поняли

слова Бухарина: ведь именно Сталин арестовал девяносто процентов участников семнадцатого съезда! Но н и к а к о г о возмущения среди масс не было! Наоборот, всенародное л и к о в а н и е! Галилей отрекся, но его фразу "А все-таки она вертится!" и поныне знает весь мир... С контрреволюцией надо бороться до конца, надо разрешать себе верить в чудо,

которое случится в самый последний миг... Я решил погибнуть в застенке, отказался от затаенной борьбы с нашими нацистами в зале суда - и сделал ошибку... Хоть один из вас, зрителей, должен выжить, хотя вы все заложники

лучшего друга советского народа, все до одного... Выживший - расскажет хотя бы трем людям про то, как боролся Бухарин, что знают трое - знает мир...

В ы ш и н с к и й. Бухарин, с Караханом вы говорили?

Б у х а р и н. Он сообщил, что немцы требовали от нас военного союза с гитлеровской Германией.

На сцену выходит Прухняк.

П р у х н я к. Я, Прухняк, ученик Дзержинского, генеральный секретарь Польской коммунистической партии. После того как Сталин подписал договор с

Гитлером, нас, польских коммунистов, объявили врагами народа и английскими

шпионами. Нас пытали, требуя признания, что мы хотели сорвать договор между Москвой и гитлеровским рейхом - по заданию англичан и масонских кругов Франции... Нас расстреляли, а партию распустили... Анализируя показание Бухарина о том, что гитлеровцы хотели военного союза с ним и его

друзьями, я не перестаю удивляться:

за что же его судят, если Сталин подписал именно такой союз?!

В ы ш и н с к и й. Подсудимый Плетнев, вы участвовали в убийстве Горького?

П л е т н е в. Да.

В ы ш и н с к и й. Подсудимый Левин?

Л е в и н. Скажу обо всем... Мы договорились с Крючковым, секретарем Горького, о мероприятиях, вредных Алексею Максимовичу... Я ему говорил, что Горький любит прогулки. Я сказал, что надо практиковать прогулки. Горький очень любил труд, любил рубить сучья деревьев... Все это было разрешено - во вред его здоровью...

На просцениуме - Крупская.

К р у п с к а я. Я, Надежда Крупская, жена Ильича... Какое глумление над здравым смыслом! Какое презрение к народу... Когда и кому мешали прогулки и легкий физический труд?! Или - это тоже форма защиты несчастного доктора Левина? Защита самооговором... Такого еще не было в истории цивилизации...

В ы ш и н с к и й. Левин, уточните дозировку лекарств.

Л е в и н. Горький получал до сорока шприцев камфоры в день.

В ы ш и н с к и й. Плюс?

Л е в и н. Две инъекции дигалена.

В ы ш и н с к и й. Плюс?

Л е в и н. Плюс две инъекции стрихнина...

В ы ш и н с к и й. Итого сорок восемь инъекций в день...

На просцениум выходит доктор Виноградов.

В и н о г р а д о в. Я, один из лечащих врачей Горького. Меня запугали до смерти в камере пыток, требуя обвинения Левина в убийстве Максимыча... Свидетельствую:

Горький получал три шприца в день, порою четыре... Даже один укол стрихнина - смертелен. У Сталина есть фельдшер, массирует ему простату, наверное, Адольф Виссарионович написал показания Левина со слов своего коновала... Мне теперь совершенно понятно: Левин защищается перед потомками самооговором... А вы, в зале, даже не смеетесь бреду...

У л ь р и х. Подсудимый Буланов, подтверждаете ваши показания?

Б у л а н о в. Да. За годы работы в качестве личного секретаря Ягоды и секретаря Наркомата внутренних дел я привык смотреть на все его глазами...

О заговоре я впервые узнал в тридцать четвертом году: насильственный приход к власти путем переворота...

На просцениум выходит Тухачевский.

Т у х а ч е в с к и й. Я, маршал Тухачевский, расстрелян летом прошлого года...

Как военный, не чуравшийся истории, хочу спросить: если среди заговорщиков были:

шеф разведки, контрразведки Союза, а также службы охраны Политбюро Ягода, если товарищ Енукидзе, секретарь ЦИКа, расстрелянный Сталиным три месяца назад, отвечал за безопасность Кремля – еще с восемнадцатого года, – я, заместитель министра обороны, мои друзья, командующие военными округами Уборевич, Якир, Корк, Примаков, начальник Политуправления Красной

Армии Гамарник, то чего же мы тогда ждали? Чего?! Заговор не может быть длительным – это провал... Мы же не были идиотами, право... Если мы решили

бы взять Кремль, мы взяли бы его за два часа... Увы, мы не позволяли себе и думать об этом... Когда Хрущев брал Берию, МВД было в руках этого мерзавца, поэтому дело спасла Красная Армия маршала Жукова... Чего ж было опасаться нам, если и НКВД, и армия, и безопасность Кремля были в наших руках? Несчастный, доверчивый, беспамятный народ мой... Каждый, кому не лень, может обмануть тебя, надругаться над тобой... Почему? Ну отчего нам выпала такая страшная доля?!

Тухачевский берет свою маленькую скрипку и играет трагическое капричио...

У л ь р и х. Подсудимый Ягода, подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии?

Я г о д а. Подтверждаю... Уже в тридцать первом году я создал в ОГПУ группу правых, куда входили начальник контрразведки Прокофьев, начальник секретно-политического отдела Молчанов, начальник экономического отдела Миронов, заместитель начальника разведки Шанин и ряд других... В январе тридцать четвертого года готовился государственный переворот с арестом состава семнадцатого съезда...

На просцениум выходит Короленко.

К о р о л е н к о. Я, русский литератор Короленко, Владимир Галактионов... Я думал, что не было на Руси процесса постыднее, чем дело Бейлиса... Увы, я ошибался. Такого рода "процесс" до Октября семнадцатого года был попросту невозможен... Хотя кто, как не я, был противником идиотства романовского самодержавия?! Только что в этом зале говорилось, что делегатов съезда арестовали не заговорщики, а именно господин Сталин! Просто какие-то лебедь, рак и щука...

На просцениум выходит Бухарин.

Б у х а р и н. Собственно, признание Крестинского стало кульминацией процесса...

Тем не менее каждый из нас – не те провокаторы, которых посадили вместе

с нами на скамью подсудимых, а истинные ленинцы – старался защищаться: диким самооговором, признанием заведомой, легко опровергаемой лжи, интонациями даже – если вы послушаете пленки и посмотрите фильм, который тайно снимала сталинская группа, вы убедитесь в правоте моих слов... Я предложил следствию компромисс:

взамен того, что признаю все предъявленные обвинения, в последнем слове

все же скажу то, что считаю нужным... Я был вынужден пойти на компромисс не только потому, что речь шла о жизни жены и детей... Близких...

Друзей... Учеников... Я пошел на компромисс потому, что Ежов сказал:

"Будете молчать - докажем, что именно вы организовали покушение на Ленина!

Вы ж с ним спорили! Спорили! Именно вы и Дзержинский были самыми неукротимыми во время Брестского мира! И Дзержинского замажем, если откажетесь признать свою связь с Троцким! И проведем процесс против Ленина, разоблачим его немецкое шпионство - даю слово, с м о ж е м провести!" Я знал - теперь с м о г у т... Но вчитайтесь в мое последнее слово!

Пожалуйста! Оно же все построено на междустрочье и н е д о г о в о р е... Вы же слышали, сначала я взял на себя всю ответственность за "правотроц-кистский блок"... Но дальше! Дальше! Слушайте: "Я считаю себя ответственным за величайшее и чудовищное преступление перед социалистической родиной и всем международным пролетариатом". Точка. Итак,

я виноват? Да. Я позволил Сталину взобраться на верхушку пирамиды и не нашел в себе мужества убить его, когда понял, что он - контрреволюционер, предатель дела Ленина. Я потом был вынужден произнести вписанную мне фразу

- я, кстати, торговался с Ежовым за каждое слово, каждую запятую - "Считаю

себя ответственным за вредительство", но следом я все же произнес: "Хотя я

лично не помню, чтобы давал директивы о вредительстве". Я сказал: "Прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был организатором шпионажа, какие доказательства? Показания Шаранговича, которого я не слышал до обвинительного заключения... Я категорически отвергаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова"... Если я отверг обвинения во вредительстве, шпионаже и терроре, то в чем же я виновен? За что прошу в этом же последнем слове покарать меня? Сам прошу

- не Вышинский?!

Вдумайтесь в смысл следующих моих слов: "Голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии. Исторические примеры такого рода перерождения известны, стоит только назвать Бриана, Муссолини..." Муссолини был редактором самого левого социалистического журнала "Аванте". В партию его рекомендовала великая революционерка Анжелика Балабанова... Но Муссолини захотел стать д у ч е, то есть в о ж д е м, и он предал социализм, отшвырнул его ногой, посадил в тюрьмы своих товарищей по партии, объявил их врагами нации и стал фашистом. Похоже, а?!

Слушайте дальше: "И у нас - я имею в виду партию, страну - было перерождение, которое привело нас - страну, партию, Сталина - в лагерь, очень близкий по своим установкам к своеобразному кулацкому, преторианскому фашизму"... Как "лидер" правых, я употребил слово "кулацкий"! Но ведь смысл фразы сокрыт в ином, в "преторианском фашизме"! Тот, кто знает историю, должен понять, что "преторианцы" - это личная охрана античных тиранов, дорвавшихся до власти путем удушения республики и

убийства тех, кто звал граждан к сопротивлению тирании... "Фашизм" - это синоним Сталина и его ежовых, молотовых, Кагановичей и берий... Именно так, фашизм... Вы слышали показания Ягоды, когда он говорил, что я приказал ему протащить в ГПУ моих людей - начальника секретно-политического отдела Молчанова, а также Миронова, Шанина, Прокофьева...

Фашизм - это неуважение к Личности... Только не уважая Личность, можно вписывать Ягоде эдакие откровения! Ведь именно Молчанов заставил Пятакова и Радека назвать меня на процессе тридцать седьмого года "троцкистом и диверсантом"... Геббельс призывал: "Лги, лги, что-нибудь да останется!" Увы, это правда! И если вы, собравшиеся в этом зале, не сможете или не захотите понять то, что я сейчас прокричал, вас всех ждут чудовищные

испытания... Чудовищные...

ЗАТЕМНЕНИЕ, ДОЛГАЯ ПАУЗА. НА ПРОСЦЕНИУМ ВЫХОДЯТ МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ, КАЖДЫЙ НАЗЫВАЕТ СЕБЯ:

- Я, маршал Блюхер, погиб в кабинете Берии...
- Я, Сергей Королев, академик, провел пятнадцать лет в сталинских лагерях и "шарашках"...
- Я, вдова Рихарда Зорге, меня отравили в сталинском лагере...
- Я, Юра Каменев, мне пятнадцать лет, меня расстреляли в сталинском подвале...
- Я, академик Сергей Вавилов, меня замучили в сталинских застенках...
- Я, Всеволод Мейерхольд, режиссер, меня забили в сталинских застенках...
- Я, Паоло Яшвили, поэт, меня расстреляли в сталинских застенках...
- Я, академик Туполев, меня истязали, в сталинских застенках...
- Я, маршал Рокоссовский, меня истязали в сталинских застенках...
- Я, Осип Мандельштам, меня замучили в сталинских застенках...
- Я, член Политбюро Вознесенский, меня замучили сталинские изуверы...
- Я, секретарь ЦК Кузнецов, меня расстреляли в сталинских застенках...
- Я, артист Михоэлс, меня убили сталинские изуверы...
- Я, секретарь Ленинградского обкома Попков, меня расстреляли сталинские палачи...
- Я, маршал Мерецков, прошел истязания в сталинских застенках...
- Я, Бухарин, который предупреждал вас, утверждаю: во время сталинской тирании в нашей стране от голода, ссылок, пыток и расстрелов погибло более двадцати трех миллионов человек... И пока воинствует "Память", Сталин имеет союзников, поэтому рецидив ужаса вероятен. Вот так... Все, товарищи... Мне пора - иду на расстрел...

На просцениум поднимается Иванов.

И в а н о в. Я, Андрей Иванов, шестьдесят второго года рождения, инженер, коммунист, никто из родных Сталиным репрессирован не был... Сплошь и рядом я сегодня слышу: "При Сталине было лучше, царил порядок, и цены снижали"... Если это так, то предлагаю ежегодно проводить "День памяти Сталина"... Вот, например, рядом со мною в этом зале сидела гражданка, которая все время говорила соседу:

"Клевета! Шпиона Бухарина с Розенгольцем и Левиным расстреляли правильно, враги народа! Сталин был истинным вождем".

Часть зала аплодирует, слышны крики "верно!".

И в а н о в (обращается в зал). Согласны повторить это отсюда, гражданка?

На просцениум поднимается Нина Эндреева.

Э н д р е е в а. Я, Нина Эндреева, преподаватель, повторяю: Сталин был, есть и будет самым великим вождем нашей Родины... Клеветать на него, на нашу историю не позволим никому... Что я, зря под знаменем Сталина жизнь прожила? Хотите сказать, что я дура?! И никогда бы я не призналась в шпионстве - пусть хоть сто раз арестовывают, - если была честна!

И в а н о в. Итак, вы - за "День памяти Сталина"?

Э н д р е е в а. Да!

Пять человек мгновенно окружают ее, обыскивают, надевают наручники...

Срывают с нее одежду, бьют. Эндреева кричит, требует предъявить документы;
ей заламывают руки и уводят за кулисы - оттуда раздается нечеловеческий вопль.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА, ЗВУЧИТ ПЕСНЯ "О СТАЛИНЕ МУДРОМ"...

И в а н о в. Введите врага народа Эндрееву!

Из-за кулис втаскивают окровавленную, полуживую Эндрееву.

И в а н о в. Ну ты, падла! Сейчас сюда привезут твою мать и у тебя на глазах избьют, изуродуют, изнасилуют... И не один раз!.. Или ты подписываешь то, что мы подготовили, или пенять придется на себя - в "День памяти" мы пытаем, насилуем и расстреливаем без суда... Ну?!

Э н д р е е в а. Что я... должна... показать?

И в а н о в. Повторяй за мной: Сталин - подонок, фашистский наймит, ублюдок! По его, врага народа Сталина, заданию я расстреляла семьсот сорок коммунистов-ленинцев... Ну!

Э н д р е е в а. Сталин - подонок... фашист... ублюдок... По заданию...
врага народа Сталина... я расстреляла семьсот сорок... коммунистов-ленинцев...

И в а н о в. Молодец! Умница, товарищ Эндреева! Правильно понимаешь свой долг перед Родиной! Повторяй дальше: "Я была завербована парагвайской разведкой в баре отеля "Метрополь" в то время, как его реставрировали финны, чтобы выкрасть товарища Кагановича и вновь привести его к власти"...

Э н д р е е в а. Я была... завербована...

И в а н о в (в зал). Ну, как? Да здравствует "День памяти Сталина"? Или

назовем этот день "Днем сладостной вседозволенности"? Или попробуем обойтись без повторения ужаса? Будем изучать книги, воспоминания, документы, факты? Будем учиться? Или - безнадежно? Мужик, что бык, втемяшится в башку его какая-нибудь блажь, колом ее оттудова не вышибешь... Или без кнута не выбьем из себя рабства?

Тогда, может, плебисцит?

Выходит Вышинский.

В ы ш и н с к и й. Давайте, пташеньки, дискутируйте! Мы умеем ждать и вести досье... Сейчас вы - нас, но идет, идет время, когда мы - вас! Правда, товарищ Эндреева?!